

[...

Василий Аксенов.
Звездный билет

Изд: "Юность" 1961г. (NN 6,7)
OCR: Dmitry A. Zakheim

* ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Орел или решка? *

Глава первая

Я **ЧЕЛОВЕК ЛОЯЛЬНЫЙ**. Когда вижу красный сигнал "стойте", стою. И иду только, когда увижу зеленый сигнал "идите". **Другое дело -- мой младший брат, Димка всегда бежит на красный сигнал**. То есть он просто всегда бежит туда, куда ему хочется бежать. Он не замечает никаких сигналов. Выходит из булочной с батоном в хлорвиниловой сумке. Секунду смотрит, как заворачивает за угол страшноватый сверкающий "Понтиак". Потом бросается прямо в поток машин. Я смотрю, как мелькают впереди его чешская рубашка с такими, знаете ли, искорками, штаны неизвестного мне происхождения, австралийские туфли и стриженная под французский ежик русская голова. Благополучно увильнув от двух "Побед", от "Волги" и "Шкоды", он попадает в руки постового. За моей спиной переговариваются две старушки:

-- Сердце захолонуло. Ну и психи эти нынешние! -- Штаны-то наизнанку, что ли, надел? Все швы наружу.

Зажигается зеленый свет. Я пересекаю улицу. У будки регулировщика Димка бубнит:

-- И паспорта нету и денег...

Я плачу пять рублей и получаю квитанцию. Дальше мы идем вместе с моим младшим братом.

-- Чудак, -- говорит он мне, -- деньги **милльту** отдал. Вот чудак!

-- Увели бы тебя сейчас, -- говорю я.

-- Как же, увели бы!..

Димка свистит и смотрит по сторонам. **Бросает пятак газировщице**, пьет "чистенькую". Я жду, пока он пьет. Идем дальше. Приближаемся к нашему дому.

-- Как диссертация? Назначили оппонентов? -- спрашивает Димка.

-- Да, назначили.

-- Хорошие ребята?

-- Кто?

-- Оппоненты -- приличные ребята? Не скоты?

-- **Классные** ребята, -- в тон ему усмехаюсь я, вспоминая оппонентов.

-- Ну, блеск! Поздравляю. С тебя причитается.

Мы входим в наш дом, поднимаемся по лестнице.

-- Чем сегодня кормите? -- спрашиваю я.

-- Не беспокойся, все твое любимое, -- язвительно отвечает Димка. -- Уж мы с мамочкой постарались, "Витенька любит печенку" -- и я иду за печенкой. "Ему сейчас нужны витамины" -- и еду на рынок за витаминами для вас, сэр. "Он терпеть не может черствого хлеба" -- и я бегу в булочную. Советские ученые могут спокойно работать, не беспокоясь насчет еды. Вот в чем секрет наших успехов. **Я обеспечу вам калорийную пищу, дорогие товарищи, я, скромный работник кастрюли! Только поскорее придумайте, как забросить человека в космос**, и забросьте меня первым. Мне это все надоело.

Он стал мрачно острить, мой младший брат. Мама все время пытается воспитывать его на моем положительном примере. Всякий раз, когда мы собираемся за столом всей семьей, она начинает курить мне фимиам. Оказывается, я стал человеком благодаря трудолюбию и настойчивости, которые проявлялись у меня в раннем детстве. "Без пяти минут человеком", -- говорит отец, намекая на еще не защищенную диссертацию. Тогда Димка начинает ехидничать. "Ученым можешь ты не быть, но кандидатом быть обязан!" -- хохочет он. Несколько лет назад, когда я играл в водное поло в команде

[...]

мастеров, Димка боготворил меня. А сейчас я даже не знаю, как он ко мне относится. Димка недоволен своей жизнью. Вот злится, что мать гоняет его за покупками. Я могу сказать ему, что маме надо помогать, что я сам бы помогал ей, если бы больше бывал дома, что он напрасно опустил руки и тянет выпускные экзамены на сплошные тройки, ведь надо подумать и о будущем, и вообще-то, старик, действительно надо быть немного понастойчивее. Но я не говорю ему ничего. Я только смеюсь и хлопаю его по спине. И мрачная маска, такая смешная на его семнадцатилетнем лице, сползает. Он улыбается и говорит:

-- Слушай, старик, не подкинешь ли ты мне четвертную?

Я подкидываю ему "четвертную". После обеда я ухожу в свою комнату и сажусь к окну бриться. Бреюсь и поглядываю в окно. Через двор напротив сидит у окна и бреется закройщик дядя Илья. А внизу, под моим окном, бреется лицо свободной профессии -- мастер художественного слова Филипп Громкий. Я услышал зловещее гудение его электробритвы за несколько секунд до того, как включил свою.

У нас внутренний четырехугольный двор, в центре маленький садик. Низкий мрачный тоннель выводит на улицу. Наш папа, старый чудака, провожая гостей через двор, говорит: "Пройдем через патцио". А проходя по нашим длинным, извилистым коридорам, он говорит, что один воин с кривым ятаганом сможет сдержать здесь натиск сотни врагов. Таким образом он выражает свою иронию по отношению к нашему дому, который до революции назывался "Меблированные комнаты "Барселона". Я поселился здесь двадцать восемь лет назад, сразу же после выхода из роддома. Спустя одиннадцать лет то же самое сделал Димка. В нашем доме мало новых жильцов, большинство -- старожилы. Вот появляется из-под арки пенсионерка княжна Бельская. Она несет бутылку кефира. Ее сухие ноги в серых чулках похожи на гофрированные трубки противогаса. Много лет княжна проработала в регистратуре нашей поликлиники и вот теперь, как всякий трудящийся, пользуется заслуженным отдыхом.

Это час возвращения с работы. Торопливой походкой заочника проходит шофер Петя Кравченко, пробегают две девушки -- Люся и Тамара, продавщицы из "Галантереи". Один за другим проходят жильцы: продавцы, и рабочие, и работники умственного труда, похожие на нашего папу. Есть среди наших жильцов и закоренелые носители пережитков прошлого: алкоголик Хромов, спекулянт Тима и склочница тетя Эльва. Преступный мир представляет недавно вернувшийся из мест не столь отдаленных Игорь-Ключник.

Все эти люди, возвращаясь откуда-то от своих дел. Проходят в четыре двери и по четырем лестницам проникают внутрь нашей доброй старой "Барселоны", теплого и темного, скрипучего, всем чертовски надоевшего и каждому родного логова.

Я выключаю электробритву и смотрю на себя в зеркало. Я выгляжу точно на 28 лет. Почему-то никто никогда не ошибается, угадывая мой возраст.

Под окном -- посвистывание. По двору прогуливается друг и одноклассник моего Димки, Алик Крамер. Я вижу сверху его волосы, разделенные сбоку ниточкой пробора, очки, фестивальный платок на шее и костлявые плечи, обтянутые джемпером. Появляется Димка. На нем вечерний костюм и галстук-бабочка. Одетый точно так же, подходит верзила-баскетболист Юрка Попов, сын нашего управдома. Компания закуривает. Я прекрасно помню, как приятно курить, когда наконец отвожешь это Право. И ребята, видно, наслаждаются, закуривая на глазах всего дома. Но они очень сдержанны, не многословны, как истинные денди. Забавно! Впрочем, и мы были такими же примерно.

-- Как дела, Юрка? -- спрашивает Алик. -- Поверг ты наконец реактивного Галачяна?

-- Ты же знаешь мои броски с угла, -- отвечает Юрка.

-- Я знаю также его проходы по центру.

-- Я его зажал сегодня, -- говорит Юрка.

Забыв про новый костюм, он показывает, как проходит к щиту его соперник Галачян, тоже кандидат в сборную, и как он, Юрка, зажимает его. Алик убеждает Юрку играть так, как играет всемирно известный негр Уилт Чемберлен.

Димка прерывает их:

-- Планы на вечер есть? Юрка поправляет галстук и огорченно говорит:

[...

-- **Конь мой сегодня дома.**

Конь -- это значит отец. Великая радость, когда уходит конь. Ребята бросаются к телефонам: "Хата есть!" Приезжают смиренные девочки, одноклассницы. Танцуют. Кто-то на секунду выключает свет. Ребята лезут целоваться. Девочки визжат.

-- Пойдемте в кафе, -- предлагает Димка.

-- В кафе! -- свистит Юрка. -- У меня всего десятка.

-- Я тоже сегодня стеснен в средствах, -- говорит Алик, -- двенадцать.

-- Сорок, -- небрежно бросает Димка. Немая сцена под окнами.

-- Мать дала пятнадцать, -- поясняет Димка, -- а четвертную... четвертную вчера выиграл в бильярд.

-- Разогни, -- говорит Юрка.

-- Не веришь? Выиграл у одного режиссера.

-- У какого же это режиссера? -- изумляется Алик. Он постоянно снимается в массовках на "Мосфильме", пишет сценарий и говорит: "У нас, в мире кино..."

-- У молодого режиссера, -- говорит Димка спокойно. -- Забыл фамилию. Я высовываюсь из окна.

-- Добрый вечер, джентльмены! Куда собираетесь? На бал или в бильярдную?

У Димки падает изо рта сигарета. Мне почему-то хочется немного поиздеваться над ним.

-- Виктор, Димка тут загибает, что у режиссера выиграл, -- говорит Юрка.

-- Конечно, -- отвечаю я. -- Дима -- молодец! Не так просто выиграть в бильярд у режиссера.

-- Это смотря у какого, -- глубокомысленно замечает Юрка.

-- У любого, -- говорю я. -- Правда, Алик? Что у вас, в мире кино, думают по этому поводу? Легко выиграть у режиссера?

-- Практически невозможно, -- отвечает Алик.

-- А вот Дима выиграл. Горжусь своим младшим братом. Все бы вы были такими.

-- Галка идет, -- мрачно говорит Димка и тайком показывает мне: "Заткнись!"

Цок-цок-цок. На каблучках-гвоздиках подходит Галина Бодрова, прелестная девица современной конструкции. Мне очень нравится Галинка. Все светлеет вокруг, когда она появляется. По-моему, даже Димкина физиономия светлеет, когда появляется Галя. Когда-то они дрались здесь же, под этими окнами.

-- Привет, мальчики! -- говорит Галя. -- Здравствуйте, Виктор! -- машет мне рукой.

Я улыбаюсь ей. Димка смотрит на меня с угрозой. Он боится, что я продолжу разговор о режиссере.

-- У миледи новое платье, -- говорит Алик.

-- Нравится? -- Галка делает круг, как манекенщица.

-- Это кстати, -- говорит Юрка, -- мы сегодня в кафе потянемся.

-- Нет, -- говорит Галя, -- мы пойдем в кино. Я хочу посмотреть новую картину "Весенние напевы".

-- Ха! -- Алик полон пренебрежения. -- Очередная штамповка!

-- А я хочу ее посмотреть!

-- Алька прав, -- говорит Димка, -- нечего там смотреть. Сплошные напевы. Хоровые напевы, танцы и поцелуйчики.

-- А чего тебе еще надо, Дима? -- спрашивает Галя и смотрит на него.

-- Мне? -- Димка смущен. -- Что мне надо?

-- А тебе что нужно, Алик?

-- Мне нужен психологизм, -- отрезает Алик.

Мне становится немного жаль Димку. Алик вот твердо знает, что ему нужно. Психологизм ему нужен, а Димка, бедняга, не знает. Особенно когда Галя вот так смотрит на него. Юрка вынимает из кармана монету.

-- Ну что ж. Кинем?

Монета взлетает вверх почти до моего окна.

-- Орел! -- кричит Галя.

-- Решка! -- говорит Димка.

[...

Все бросаются к упавшей монете. Галя весело хохочет и хлопает в ладоши. Ничего не поделаешь: фатум! Придется идти смотреть новую кинокомедию "Весенние напевы", штампованную и лишенную психологизма. Я слышу, как Галя тихо говорит Димке: "Тебе не везет в игре", -- и вижу, как Димка краснеет, Когда они все проходят под арку, я кричу:

-- Дима, ты не знаешь фамилии режиссера этой комедии? Как он в смысле...

Димка выскакивает из-под арки и показывает, как он, вернувшись домой, свернет мне шею.

СЕГОДНЯ СУББОТА. Я повязываю галстук и отправляюсь на свидание с Шурочкой. Шурочка -- это моя невеста. Прошу прощения за несовременный термин, но мне нравится это слово: "невеста". Я замешкался на углу, и теперь приходится пережить бесконечный поток машин. А Шурочка уже вышла из метро и стоит на другой стороне. Ловлю себя на том, что опять рассматриваю ее. Определенно она мила, эта девушка в узком красном платье. Чрезвычайно мила и одета со вкусом. Я знаю, что когда мне не захочется рассматривать ее вот так, словно мы чужие, тогда я на ней женюсь. Черт возьми, долго это будет продолжаться? Жизни нет из-за этих машин. Там, на другой стороне, какой-то длинный сопляк осмотрел Шурочку, словно лошадь, и хихикнул. Подошли еще двое. Я побежал через улицу.

Длинный взял Шурочку за руку, и в этот момент я отшвырнул его плечом.

-- Пойдем, Витя, -- сказала Шурочка, -- пойдем.

Я повернулся к парням. У всех троих вместо галстуков висели на шее шнурки, а один был даже с усиками. Мой Димка ни за что не нацепил бы на себя шнурок. Все, что угодно, он может нацепить на себя, но не такую похабную веревочку. Парни смот рели на меня, словно прикидывали, на что я способен. Потом они поскучнели и равнодушно отвернулись.

Мы входим в парк. Я люблю красные дорожки парка, и его аккуратные клумбы, и фонтаны, и лебедей, люблю ходить по аллеям и останавливаться возле киосков, аттракционами пользуюсь изо всех сил и пью пиво, люблю ходить в парк вместе с Шурочкой.

У входа возле столба с репродуктором стоит толпа. Лица у всех какие-то одинаковые.

-- Любого агрессора, проникшего на нашу священную, обильно смоченную кровью землю ждет плачевная участь. Мы имеем в распоряжении достаточно сил и средств для того, чтобы...

Я слушаю голос диктора и смотрю вокруг на лица людей. Потом смотрю вдаль, где на фоне вечернего неба вращается гигантское "колесо обозрения". В шестидесяти четырех кабинках этого колеса сейчас беспечно хохочут и ойкают от притворного страха люди. Из глубины парка несется джазовая музыка, движется колесо, и движется весь наш шарик, начиненный загадочной смесью. Движется парк, и мы движемся, люди в парке. Там мы смеемся, а здесь мы молчим. Соотношение всех этих движений, -- попробуй разобраться. Джаз и симфония. Вот оно, наше небо, пригодное для фейерверка и для взлета больших ракет.

Глава вторая

Я люблю этот город вязевый.
Пусть обрызг он и пусть одрях,
Золотая дремотная Азия
Опочила на куполах, --

вспоминаю я, наблюдая бесконечную карусель машин на привокзальной площади. Отсюда, с моста, виден большой кусок этого "вязового" города. Вокзал еле успевает откачивать людские волны помпами электричек. Автомобилиям несть числа. Площадь слепит огнями, неподвижными и мелькающими, а на горизонте исполинские дома мерцают, как строй широкогрудых рыцарей. Дремотная Азия! Поэт, вы не узнаете вашего города. Пойдемте по улицам. Вам немного не по себе? Вам страшно? Я понимаю вас. Я понимаю страх и растерянность

[...]

приезжих на этих улицах. Мне, может быть, самому бы стало страшно, если бы я не любил этот город. Именно этот город, который забыл, что он был когда-то тихим и "вязевым".

-- Пойдем, -- говорит Борис, -- что ты оцепенел? Не люблю я, когда ты так цепенеешь.

Мы спускаемся в метро. В потоке людей идем по длинному кафельному коридору. Навстречу нам другой поток. Если прислушаться, шлепанье сотен шагов по кафельному полу напомнит шум сильного летнего дождя. Обычно мы, москвичи, не слышим этих звуков. Для нас это тишина. Мы реагируем только на резкие раздражители. Я мечтаю о дожде, может быть, поэтому я его и слышу. Он наступает совсем недалеко от дачи, и ты таким мокрым чучелом вваливаешься на веранду, где пьют чай. Я мечтаю об отпуске.

Мы выходим на нашей станции. Встаем в очередь к газетному киоску, потом -- в очередь к табачному киоску. На площадке возле станции, как всегда вечером, полно молодых ребят. Они сидят на барьере и стоят кучками. Усмехаясь, разглядывают выходящих из метро. Девушкам вслед летят реплики, меж дометия, иногда посвистывание. Лучшее вечернее развлечение -- поторчать вечером у метро.

-- Посмотри на них, -- говорит Борис, -- посмотри на их лица. Просто страх берет.

-- Брось! -- говорю я. -- Нормальные московские ребята. Просто выпендриваются друг перед другом, вот и все.

-- Нормальные московские ребята! -- восклицает Борис. -- Ты считаешь этот сброд нормальными московскими ребятами?

-- Конечно! Самые обычные ребята.

-- Нет, это выродки. Накипь больших городов.

-- Ну тебя к черту, Борька! Димку моего ты, надеюсь, знаешь?

-- Ну?

-- Смею утверждать, что он самый нормальный московский малый. А он тоже часто торчит здесь, и, если бы ты его не знал, на отличил бы от всех. И в его адрес метал бы свои громы и молнии.

-- А что твой Димка?

-- Ну, что Димка?

-- Он недалеко от них ушел. Тоже хорош твой Димка!

-- Ну, знаешь, Борис!..

-- А что? Скажешь, у Димки есть какие-то жизненные планы, какие-то порывы, есть что-то святое за душой? В голове у него магнитофонные ленты, девчонки и выпивка. Аттестат получил позорный ...

-- Довольно! -- резко обрываю я, -- Хватит о нем!

Черт его знает, каким он стал, этот мой друг Боря. Тоже позер! Любит, видите ли, "правду-матку в глаза резать".

Мы подходим к нашему дому. Борис должен взять у меня кое-какие книжки.

-- Слушай, -- говорю я ему после долгого молчания, -- хочешь узнать, о чем думает мой Димка? -- Говорю это так, как будто сам прекрасно знаю, о чем он думает.-- Посидим у нас в садике минут пятнадцать. Он там в это время всегда бывает. Поговорим с ним.

-- Тебя задело мои слова? -- спрашивает Борис.

-- Чепуха! Все же давай посидим в садике. Мы входим в наш "патцио" и садимся на скамейку в глубине садика, под цветущим кустом сирени.

"БАРСЕЛОНА" ЖИВЕТ ВЕЧЕРНЕЙ ЖИЗНЬЮ, как и все дома в Москве. Всеми тремя этажами, сотней окон она смотрит себе внутрь. За шторками двигаются люди, наяривают телевизоры. В противоположном углу двора два приятеля Гера и Гора налаживают на подоконнике магнитофон. Сейчас будут оглушать весь двор музыкой. Пока не придет дворник.

Под аркой зажигаются фары. Во двор въезжает новенькое такси. Ступок энергии и комфорта XX века на фоне наших облупленных стен.

Из дверей выскакивает мастер художественного слова Филипп Громкий со своими элегантными чемоданами.

-- Далеко, Филипп Григорьевич? -- спрашивает дядя Илья.

-- В турне, друзья. Рига, Таллин... На Балтику, друзья.

-- Филипп! -- кричит из окна наш папа. -- Ионами на взморье

[...]

попользуйся. Подыши как следует. Лучшее лекарство для нас с тобой.

-- Что же вы раньше не сказали, Филипп Григорьевич, что в Ригу едете?
-- обиженно говорит спекулянт Тима.

-- Программа у вас та же? Новенькое что-нибудь выучили? -- интересуется шофер Петя Кравченко.

-- Товарищ Громкий, а за электричество вы заплатили? -- светским тоном осведомляется тетя Эльва.

"Барселона" провожает своего любимца, свою звезду. Громкий машет шляпой вокруг. Самый громадный город -- это просто тысяча деревень. Ну, чем наша "Барселона" не деревня?

Шофер включает счетчик, нажимает стартер. Фыркнув, голубой автомобиль исчезает под аркой. Так каждую весну артист на виду всего дома отбывает в странствия по приморским районам. Он будет пересаживаться с самолета в поезд и с поезда в такси, жить в гостиницах, обедать в ресторанах, купаться в соленых морских волнах и дышать ионизированным воздухом взморья. Осенью он вернется, и жители "Барселоны" будут его приветствовать.

В садике появляется вся Димкина компания и он сам. Я ни разу не видел Галю с подругами. Она ходит только с Димкой, Аликом и Юркой. И ребята не отстают от нее. Трудно понять: ухаживание это или продолжение детской дружбы. Они занимают скамейку недалеко от нас. Нас они не видят или просто не хотят замечать.

Вот уже десять минут Гера и Гора крутят магнитофон, а дворника все нет. Видимо, "Барселону" охватило в этот вечер лирическое настроение.

Джазовые синкопы бьют в землю, точно град, словно отбойный молоток, вгрызаются в стены и взмывают вверх, пытаются расшевелить неподвижные звезды, подчинить их себе и настраивать попеременно то на лирический, то на бесноватый лад. Три пары остроносых ботинок и одна пара туфелек отбивают такт. Лица ребят нам не видны, они в тени сирени. Их голоса мы слышим только в перерывах между музыкой.

ДИМКА. На Балтику помчался Громкий. Эх, ребята!

ЮРКА. А что ему не ездить? Жрец искусства.

АЛИК. Тоже мне искусство! Читать стихи и строить разные рожи. Примитив!

ГАЛЯ. А почему бы тебе, Алик, не выучить пару стихов? Выучи и поезжай на Рижское взморье.

ДИМКА. Алька и так знает больше стихов, чем самый Громкий из всех Громких.

-- Паблито, -- призывно поет магнитофонная дева. -- Паблито, -- говорит она задушевно. -- Па-аблито! -- кричит что есть мочи.

Почему я вдруг решил поговорить с Димкой? Только лишь потому, что меня задела слова Бориса? "Пойдем, ты узнаешь, о чем он думает". Как будто я сам это знаю. Что я знаю о своем младшем брате? До какого-то времени я вообще его не замечал. Знал только, что с ним хлопот не оберешься. Потом он немного подрос, и мы стали с ним слегка возиться. Но у меня всегда были свои крайне важные дела. И вдруг младший брат приходит и просит на минутку твою бритву. А однажды ты видишь, что он лежит на диване с совершенно потеряннным видом и на твой вопрос бурчит: "Отстань". И как-то раз ты замечаешь его в толпе возле метро. Ты ухмыляешься -- "племя младое, незнакомое" -- и думаешь: А может быть, и на самом деле незнакомое?" У тебя наука, диссертация, ты, в общем, на самом переднем крае, а у него аттестат сплошь в тройках. О чем он думает? Мы, Денисовы, интеллигентная семья. Папа -- доцент, а мама знает два языка. Димка прочел все, что полагается прочесть мальчику из "приличной" семьи, и умеет вести себя за столом, когда приходят гости. Но воспитали его "Барселона", и наша улица, и наша станция метро. В какой-то мере стадион, в какой-то мере танцевальная веранда в Малаховке, в какой-то мере школа. Звучит кощунственно. Его должна была воспитать главным образом школа. А, брось! Ты сам еще не так давно учился в школе.

-- Паблито... -- совершенно изнемогая, шепчет магнитофонная дева.

АЛИК. Я не понимаю, почему стонет Юрка. Все лето будет кататься со сборной, а потом его как выдающегося спортсмена примут куда-нибудь без экзаменов.

ДИМКА. Верно, что ты стонешь? В Венгрию едет, а стонет еще.

[...]

ЮРКА. Галачьян в Венгрию едет, а не я.

ГАЛЯ. Что ты, Юрик!

ЮРКА. То, что слышишь. Галачьяна в сборную включили. Говорят, он тактику лучше понимает. Конь мой ликует. В институт поступишь, человеком станешь, хватит, говорит, мяч гонять.

Труба. Звук трубы летит в небо. Он стремительно набирает высоту, как многоступенчатая ракета, выходит на орбиту и кружится, и кружится, и замирает, и на смену ему приходит глухой рокот контрабаса. И новые взлеты трубы. И жизнь идет. А Юрку не включили в сборную. Это трагедия, я его понимаю. Гудит саксофон. И жизнь идет. Младший брат недоволен жизнью. Что ему нужно, кроме трубы, контрабаса и саксофона? Попробуй-ка поговорить с ним об этом. Он засмеется: "Чудишь, старик!" -- и попросит "четвертную". Это очень трудно иметь младшего брата! Лучше бы мы с ним родились близнецами. Жизнь идет, и трубы сейчас звучат несколько иначе, чем одиннадцать лет назад.

ЮРКА. Были бы деньги, накирлялся бы я сейчас.

ДИМКА. Только и остается.

АЛИК. Давай, Юрка, вместе готовиться во ВГИК, на сценарный факультет!

ГАЛЯ. Лучше готовься вместе со мной на актерский. У тебя такая фигура!

ДИМКА. Я вам советую поступить в Тимирязевку. Говорят, там открылся новый факультет: тореадорский. У Юрки все данные для боя быков. А Галка поступит на пушной, будет демонстрировать шкурки песцов и лисиц. Тоже все данные.

ГАЛЯ. А ты куда, Димочка? На что ты можешь рассчитывать со своими данными?

Нахальный баритон в бешеном темпе уговаривает девушку.

Перестань кукситься, забудь о разных пустяках и целуй меня. Чаше, целуй меня чаще. Только это тебе поможет. Гера и Гора неистовствуют, а дворника все нет. Неужели им удастся докрутить ленту до конца?

Борис рядом со мной молча курит. Я тоже молча курю.

ДИМКА. А в общем, куда нам поступать, решают родители. Ведь это же они, дорогие родители, финансируют все наши мероприятия.

ГАЛЯ. Представляете, мальчики, мама мне заявила: или в медицинский, или к станку.

АЛИК. Родители не могут понять, что нам чужды их обывательские интересы. Даже мой дед и тот нудит день-деньской: сначала приобрети солидную специальность, а потом пробуй свои силы в литературе.

ЮРКА. А мой конь уже все продумал. Надежды у него мало, что я поступлю, так он уже место мне подыскал для производственного стажа. Учеником токаря на какой-то завод. Дудки я туда пойду. Ишь ты что придумал: учеником токаря! Молчание.

ТЕТЯ ЭЛЬБА (кричит из окна). Тима, будьте любезны, позовите дворника.

ДИМКА. Все лето в Москве торчать. Эх, ребята!

Снова трубы, саксофоны и контрабас. В освещенное пространство в центре садика выходят, пританцовывая, Галя и Димка. Алик и Юрка хлопают в ладоши.

Из окон высовываются любопытные. Есть на что посмотреть. Димка блестяще танцует. В этом отношении он меня превзошел.

А как все-таки здорово! Сидят детишки и хнычут, и жалуются друг другу на родителей, и ехидничают, как сорокалетние неудачники, но вот возникает какой-то подмигивающий ритм и... наш жалкий садик поднимается вверх, повисает над крышами, звезды пускаются вокруг в хороводе. Девушка и юноша танцуют, и весь мир надевает карнавальные маски. Молодость танцует при свете звезд у подножия Олимпа, полосы лунного света ложатся на извивающиеся тела, и пегобородые бойцы становятся в круг, стыдливо прячут за спины ржавые мечи и ухмыляются недоверчиво, но все добрее и добрее, а их ездовые уже готовят колесницы для спортивных состязаний. Ребята танцуют, и ничего им больше не надо сейчас. Танцуйте, пока вам семнадцать! Танцуйте, и прыгайте в седлах, и ныряйте в глубины, и ползите вверх с альпенштоками. Не бойтесь ничего, все это ваше -- весь мир. Пегобородые не поднимут мечей. За это мы отвечаем.

-- Галина! Иди сюда.

У входа в садик стоит Галина мать, инспектор роно.

-- Ну что, мамочка? -- заранее обиженным тоном говорит Галя и подходит

[...

к своей еще молодой и статной, одетой в серый костюм, как и положено инспекторам роно, маме. Та молча вынимает из сумочки платок и сильным злым движением снимает помаду с Галиных губ.

-- Опять? Опять устроили дансинг у всех на глазах? Танцуешь с бездельниками, вместо того чтобы заниматься. Куда ты катишься, Галина? На панель? Немедленно домой!

-- Совершенно согласна с вами, Зинаида Петровна, -- прямо над ними из окна высунулась тетя Эльва. -- Только крутые меры. Надо мобилизовать общественность. А куда смотрит ЖЭК? Вместо того, чтобы организовать в нашем дворе разумные настольные игры, викторины, кроссворды, предоставляют поле деятельности двум негодяям с магнитофоном. Отравляют юные души тлетворной музыкой. Тима, вы сказали дворнику?

ТИМА. Да вот он сам, Степан Феофанович.

ДВОРНИК (навеселе). Герка! Герка! Кончай тлетворную! Гони нашу! "Рябинушку"!

ДИМКА. Тетя Эльва, идемте танцевать! Герка, прибавь звука! Тетя Эльва хочет рок кинуть.

ТЕТЯ ЭЛЬВА. Тима, участкового позовите!

НАША МАМА. Дмитрий, домой!

ПЕТЯ КРАВЧЕНКО. Товарищи, у меня завтра зачет по сопромату. Из-под арки появляется Игорь-Ключник.

ИГОРЬ. Граждане, что тут за шум? Что тут за шум, Тимка?

ТИМА. Кому Тимка, а отбросам общества...

ИГОРЬ. Слышай ты, несимпатичный хулиган...

ТИМА. Бросьте, Игорь. Нам ли с вами?

ДЯДЯ ИЛЬЯ. Это ж ужас, что за дом! Боже ж мой, что за дом!

ДВОРНИК. "Рябинушку"!

ГЕРА (в микрофон). Концерт звукозаписи по заявкам жильцов нашего дома окончен. Пишите нам по адресу: "Барселона", радиоцентр.

ТЕТЯ ЭЛЬВА. Я на вас найду управу, развратники!

И все начинает затихать. Прикрываются окна, расходятся люди со двора. Это обычный воскресный вечер, но я чувствую, что Борис поражен. Наш дом постоянно поражает Бориса. Еще бы, ведь он живет на девятом этаже в могучем доме на Можайке, опоясанном снизу такой массой гранита, которой бы хватило на целую сотню конных памятников.

-- Виктор, я, пожалуй, пойду, -- говорит Борис.

-- Пока, -- говорю я, -- до завтра.

Прямой и подтянутый идет мой друг Боря, надежда нашей науки. Ничего я ему не доказал. И вообще я, должно быть, никогда ничего ему не докажу.

ДИМКА. Проклятое дупло это, а не дом! Взорвать бы его к чертям!

АЛИК. Нельзя. Надо его оставить как натуру. Здесь можно снимать неореалистические фильмы.

ЮРКА. За год четыре дома на нашей улице снесли, а этот стоит.

ДИМКА. И даже не дрожит под ветром эпохи. Эпоха, ребята, мимо идет.

ЮРКА. Валерка переехал на Юго-Запад. Потрясные дома там. Во дворах теннисные корты. Блеск!

ДИМКА. Взорвем "Барселону"?

АЛИК. Да нельзя же, я тебе говорю, взрывать такую натуру.

ДИМКА. Сбежим?

ЮРКА. Окна там, что ты! Внизу сплошное стекло. Модерн!

АЛИК. Неужели и мы, как наши родители, всю свою жизнь проведем в "Барселоне"?

ДИМКА. Взорвем?

ЮРКА. Насчет всей жизни не знаю. а это лето точно. Галачян в Будапешт поедет, а я буду диктанты писать.

ДИМКА. Сбежим?

ЮРКА. Конь мой ликует...

ДИМКА. Сбежим?

АЛИК. Куда?

ДИМКА. Куда... Ну, для начала хотя бы на Рижское взморье.

ЮРКА. То есть как это так?

ДИМКА. А так, уедем, и все. Хватит! Мне это надоело. Целое лето

[...]

вкальвать над учебниками, и ходить по магазинам, и слушать проповеди. Отдохнуть нам надо или нет? Никто ведь не думает о том, что нам надо отдохнуть. Дудки! Уедем! Ура! Как это раньше мне в голову не приходило?

АЛИК. А как же родители? Как же мои дед?

ЮРКА. А мой конь?

ДИМКА. Слезай с коня, иди пешком. Что вы, парни? Мы же мощные ребята, а ведем себя, как хлюпики. Вперед! К морю! В жизнь! Ура! Что я думал раньше, идиот!

АЛИК. А как же мое поступление во ВГИК?

ЮРКА. А мое в Инфизкульт? Это тебе, Димка, хорошо. Ты еще ничего не придумал, куда идти,

ДИМКА. Институт! Смешно. В институты принимают до тридцати пяти лет, а нам семнадцать! У нас в запасе еще восемнадцать лет! Вы себе представляете, мальчишки, как можно провести годик-другой? Мчаться вперед: на поездах, на попутных машинах, пешком, вплавь, заглатывать километры. Стоп! Поработали где-нибудь, надоело -- дальше! Алька, вспомни про Горького и Джека Лондона. А для тебя, Юрка, это отличный тренинг. Или вы хотите всю жизнь проторчать в этом клоповнике?

ЮРКА. Законно придумал, Митька!

АЛИК. А на какие шиши мы поедем? Денег-то нет.

ДИМКА. Это ерунда. Продадим свои часы, велосипеды, костюмы, у меня немного скоплено на мотороллер. Это для начала. А потом придумаем. Главное -- смелость. Прокормимся. Ура!

ЮРКА. Купите мне ружье для подводной охоты, и уж рыбкой-то я вас обеспечу.

АЛИК. А я буду продавать стихи и прозу в местные газеты.

ДИМКА. Ну, видите! А я на бильярде подработаю. Значит, едем?

Ребята склоняются друг к другу и что-то шепчут. Алик подбросил монетку и прихлопнул ее на колене. Димка пишет веточкой на песке. Я вижу, как в садик скользнула Галя. Она в стареньком платице и в драных тапках на босу ногу, но, ей-богу, ей не повредило бы даже платье, сшитое из бумажных мешков "Мосхлебторга".

-- Тише, ребята, -- говорит она. -- Я на минутку. Значит, едем завтра в Химки? Я скажу, что иду в библиотеку...

-- В Химки, -- говорит Димка, -- в Химки. Ха-ха, она хочет в Химки!

-- На нашей планете, и кроме Химок, есть законные местечки, -- говорит Юрка.

-- А не хочешь ли ты, Галка, съездить на остров Валаам? -- вкрадчиво спрашивает Алик. -- Знаешь, есть на свете такой остров!

Ребята загадочно хихикают и хмыкают. Еще бы, ведь перед ними открыт весь мир, а для Галки предел мечтаний -- Химки.

-- Что это вы задумали? -- сердито спрашивает Галя и, как Долита Торрес, упирает в бока кулаки.

-- Сказать ей? -- спрашивает Алик.

-- Ладно уж, скажи, а то заплачет, -- говорит Юрка.

Димка кивает.

-- Мы уезжаем.

-- Что?

-- Уезжаем.

-- Куда?

-- В путешествие.

-- Когда?

-- На днях.

-- Без меня?

-- Конечно.

-- Никуда без меня не поедете.

-- Ого!

-- Не поедете!

-- Ха-ха!

-- Ты без меня поедешь?

-- Видишь ли, Галя...

-- А ты?

[...

-- Я?

-- А ты, Димка, без меня поедешь?

-- А почему бы и нет?

Ошеломленная Галка все-таки действует с инстинктивной мудростью. Расчленив монолитный коллектив, она отворачиваются, топает ногой и начинает плакать. Ребята растерянно ходят вокруг.

-- Мы будем жить в суровых условиях.

-- В палатке.

-- Питаться только рыбой.

-- Хочу в суровые условия, -- шепчет Галка, -- в палатку. Рыбой питаться хочу! Мне надоело здесь. Мама при всех губы стирает. Какие вы хитрые, без меня хотели уехать!

-- Пойди, а как же театральный факультет? -- спрашивает ее Алик.

-- А вы как решили с экзаменами?

-- Мы решили не поступать.

-- Как?

-- А вот так. Подбросили монетку, и все. Хватит с нас! Мы хотим жить по-своему. Поступим когда-нибудь, когда захотим.

-- Я тоже хочу жить по-своему!

-- Ладно, -- говорит Димка, -- берем тебя с собой. Только не хныкать потом. А в театральный ты все-таки поступишь. В Ленинграде. В конце концов, театральный -- это не медицинский. Готовиться особенно не нужно. Глазки, фигурка -- это у тебя есть. Вполне достаточно для поступления.

-- Смотрите, он сделал мне комплимент! -- восклицает Галя, -- Слышите, ребята, Димка сделал мне комплимент! Спасибо тебе, суровый Дима.

-- Кушай на здоровье. Я сегодня добрый.

-- В основном ты прав, Димка, но не совсем, -- говорит Алик. -- Внешние данные -- еще не все. Нужен витамин "Т" -- талант. Мне один актер рассказывал, какие к ним применяли пробы. Например, предлагают сказать два слова "хорошая собака" с десятью разными выражениями. Восхищение, презрение, насмешка...

-- Давайте Галку проэкзаменуем, -- предлагает Димка. -- Ну-ка, скажи с презрением: хорошая собака.

ГАЛЯ (с презрением показывая на него). Хорошая собака.

Юрка предлагает ей выразить восхищение.

ГАЛЯ (с восхищением показывая на Юрку). Хорошая собака!

-- Ну, а теперь... -- говорит Алик.

ГАЛЯ (с насмешкой показывая на Алика). Хорошая собака!

ДИМКА (показывает на Галю). Ребята, с возмущением!

ВСЕ (с возмущением). Хорошая собака!

ГАЛЯ. Хорошие вы собаки, без меня решили уехать!

МЫ С ДИМКОЙ идем по нашей ночной улице. Перешагиваем через лужи возле газировочных автоматов, подбрасываем носками ботинок стаканчики из-под мороженого. Мы с Димкой одного роста, и в плечах он меня скоро догонит.

-- План в общих чертах такой, -- говорит Димка. -- Сначала мы едем на Рижское взморье. Отдохнем там немного -- должны же мы, черт возьми, хоть немного отдохнуть! -- а потом двинемся пешком по побережью в Ленинград. По дороге наймемся поработать в какой-нибудь рыболовецкий колхоз. Мне один малый говорил, что там можно заработать кучу денег. А потом дальше. Посмотрим Таллин и к августу будем в Ленинграде. Там отдадим Галку в Театральный институт, а сами...

-- А сами?

-- А сами составим новый план.

-- Отличный у вас план, -- говорю я, -- точный, детальный, все в нем предусмотрено. Кончатся деньги, появляется рыболовецкий колхоз. Вы забрасываете невод и вытаскиваете золотую рыбку. Чего тебе надобно, Димче? Прекрасный план!

-- А, черт с ними, со всеми с этими планами. Я останавливаюсь и беру брата за лацканы пиджака.

-- Слушай, Димка, когда ты был маленьким, я заступался за тебя и никому не давал тебя лупить.

[...

-- Ну и что?

-- А то, что сейчас мне хочется дать тебе хорошую плюху.

-- Попробуй только.

-- Фу ты, дурак! -- Я машу рукой. -- О матери ты не подумал? Что с ней будет, когда ты исчезнешь?

-- Поэтому я тебе все и рассказываю. Успокой ее, но, -- теперь он берет меня за лацкан, -- если ты настоящий мужчина и если ты мне друг, ты не расскажешь ей, где мы.

-- Она все равно поднимет на ноги все МВД.

Димка словно глотает что-то и лезет в карман за сигаретами.

-- Витя, пойми, я уже все решил, ребят поднял. Нельзя мужчине отступить.

-- Мужчина! Убегать из дому принято в 12-13 лет, да и то в детских книжках. А в 17 лет -- это, старик, нелепо. Прояви свою волю в другом. Попробуй все-таки поступить в институт.

-- Да не хочу я этого! -- отчаянно кричит Димка. -- К черту! Думаешь, я мечтаю пойти по твоим стопам, думаешь, твоя жизнь для меня идеал? Ведь твоя жизнь, Виктор, придумана папой и мамой, еще когда ты лежал в колыбели. Отличник в школе, отличник в институте, аспирант, младший научный сотрудник, кандидат, старший научный сотрудник, доктор, академик... дальше кто там? Всеми уважаемый покойник? Ведь ты ни разу в жизни не принял по-настоящему серьезного решения, ни разу не пошел на риск. К черту! Мы еще не успеем родиться, а за нас уже все продумано, уже наше будущее решено. Дудки! Лучше быть бродягой и терпеть неудачи, чем всю жизнь быть мальчиком, выполняющим чужие решения.

Вот оно что! Тут, оказывается, целая жизненная философия. Вот, значит, как? Ты презираешь меня, Димка? Ты не хочешь жить так, как я? Ты считаешь меня...

Честно говоря, меня совершенно потряс Димкин монолог, и я молчу. Я не чувствую уже превосходства старшего брата. Со страхом я ловлю себя на том, что завидую ему, ему, юноше с безумными идеями в голове. Но что он знает обо мне, мой младший брат?

Мы медленно бредем к нашему дому, заходим под арку и при свете фонаря читаем рукописную афишу:

30 июня 1960 г. во дворе дома N12

ВЕЧЕР МОЛОДЕЖИ

Программа:

1. Встреча с т. Лямзиным Т. Т.

2. Коллективная беседа "Поговорим о личном".

3. Демонстрация к/ф "Микробная флора полости рта".

4. Танцы под баян.

Димка вынимает карандаш и пишет внизу плаката: "Танцы откроет тетя Эльва, старая сопящая кобыла".

Ну, тут я не выдержал и дал ему слегка по шее.

РЕБЯТА СИДЯТ В МОЕЙ КОМНАТЕ. Когда я вхожу, они даже не меняют поз. В общем-то, как это ни смешно, я дорожу тем, что они меня не боятся.

-- Личности, титаны, индивиды, -- говорю я им. Смеются. -- Пиво, что ли, пили?

Заглядываю под кровать -- бутылок не видно. Сажусь на подоконник и закуриваю. За моей спиной двор "Барселоны", и дальше все окно закрыто стенами соседних домов. Неба не видно. Но если лечь спиной на подоконник, можно увидеть небольшой четырехугольник со звездным рисунком. Мне хочется предаться любимому занятию: лечь спиной на подоконник, положить руки под голову, ни о чем не думать и созерцать этот продолговатый четырехугольник, похожий своими пропорциями на железнодорожный билет. Билет, пробитый звездным компостером. Кажется, это есть в каких-то стихах. Никто не знает про этот мой билет. Я никому не говорю про него. Даже не знаю, когда я его заметил, но вот уже много лет, когда мне бывает совсем невмоготу, я ложусь

спиной на подоконник и смотрю на свой звездный билет.

Я слышу через форточку возню Геры и Горы. Что-то у них там сегодня не ладится, Обычно среди полной тишины вдруг раздается веселое лошадиное ржание, а сегодня Гера и Гора почему-то шепотом чертыхаются. Потом Гера говорит: "Ладно, заткнись. Включаю". Я слышу щелканье и гудение приемника. И вот двор "Барселоны" заполняется каким-то странным гулом. Это не наш гул, не земной. И... "Бип-бип-бип..." Кусок земного металла, жаркий слиток земных надежд, продукция мозга и мышц, смешанная с нашим потом и с кровью тех, которые этого уже не услышат. Кусок земного металла, полный любви, полный героизма, и счастья, и страдания. Весь он наш, плоть от плоти, и, двигаясь там, он хранит в себе память о наших руках и глазах, о смене наших настроений и о нашей дурной привычке курить табак. Он один там, в чужой среде, окруженный чужими металлами, озаряемый кострами чужих звезд, летит и гудит и дрожит от мужества и трогательно сигнализирует: "Бип-бип..."

-- Черт вас возьми! -- кричу я своему братцу и его друзьям и распахиваю окно. -- Слушайте!

-- Ну, слышим, -- говорит Димка. -- Космический автобус.

-- Радиостанция "Маяк", -- говорит Алик. -- Поймали, наконец, молотки ребята! -- довольно равнодушно басит Юрка.

-- Черт бы вас побрал! -- говорю я. -- Шпана! Личности! Индивидуумы!

-- Ишь ты, как раскричался, -- насмешливо говорит Димка. -- Рановато ты воодушевился. Человека-то там нет.

Человека там нет! Там нет человека! Вот если бы сразу, сейчас, кто-нибудь слетал на Марс и вернулся оттуда с девушкой-марсианкой, тогда почтеннейшая публика, может быть, и удивилась бы. Так, слегка. Знаете, мол, вот забавная история: красотку с Марса привез себе один малый. Разучились удивляться чудесам. В мире чудес люди уже не удивляются чудесам.

-- Вас не интересуют чудеса? -- спрашиваю я.

-- Какие же это чудеса? -- удивляется Юрка.

-- А ты думаешь, чудеса -- это Змей-Горыныч и Баба-Яга?

Я вспоминаю, как несколько лет назад эти ребята построили в Доме пионеров яхту, управляемую по радио. Вот это было чудо! Какой восторг горел тогда в их глазах!

-- Ребята, хотите я устрою вас работать на завод?

-- Какой еще завод?

-- Завод, где делают чудеса.

-- Конкретней, -- говорит Алик. -- Что это за завод?

-- Конкретней нельзя об этом заводе.

Я снова приоткрываю окно, и "бип-бип-бип" влетает в комнату. Многозначительно подмигиваю. Это мой последний козырь. Последний раз я пытаюсь отговорить их от задуманной авантюры.

-- Да ну? -- говорят ребята. -- Можешь устроить на такой завод?

-- Попытаюсь. Если станете людьми...

-- Отпадает, -- Димка машет рукой, -- тогда отпадает.

-- Почему отпадает? -- говорю я, чувствуя себя последним кретином. -- Выбросьте из головы свои дурацкие прожекты...

-- Эх, жалко, -- прерывает меня Юрка, -- мы ведь скоро на Балтику уезжаем, Виктор. Если бы нам не надо было уезжать...

-- Хватит дурачиться.

Молчат.

-- Хотите работать на таком заводе?

Молчат.

-- И уехать на Балтику тоже хочется?

Молчат.

-- Роковая дилемма, значит? Подбросим монетку?

Молчат.

-- Если орлом, то на завод. Идет? Бросаю. Честно говоря, я немного умею бросать так, чтобы получалось то, что нужно. Орел. Упала орлом.

-- Бросай с трех раз, -- хрипло говорит Димка. -- Дай-ка лучше я сам брошу.

Кажется, он тоже немного умеет бросать так, чтобы получалось то, что ему хочется.

[...]

[...]

Глава пятая

НУ ВОТ ОН, МОРСКОЙ ПЛЯЖ.

-- Пляжи мне всегда напоминают битву у стен Трои, -- сказал Алик.

-- Мне тоже, -- сразу же откликнулся Димка. -- Помню как сейчас: идем у стен Трои втроем: Гектор, Алик и я, -- а навстречу нам:

-- Пенелопа! -- воскликнула Галя и сделала цирковой реверанс.

-- Ты хочешь сказать Елена. -- поправил Алик, -- тогда я Парис.

-- Я ухожу из Трои. Я Менелай, -- заявил Димка.

-- А я? А я кто буду? -- заорал Юрка. -- Меня-то забыли!

-- Кем ты хочешь быть? Говори сам.

-- Черт возьми! -- Юрка зачесал в затылке. -- На помню ни одного. Мы же это в третьем классе проходили.

-- Тогда ты будешь рабом и будешь сторожить колесницу, -- сказал Димка.

-- Я Ахилл! -- заорал Юрка, потрясая ружьем для подводной охоты.

Димка моментально бросился на песок и схватил его за пятку.

Огромный пляж простирался на несколько километров к северозападу, и все эти километры были забиты голыми людьми. Это был воскресный и невероятно жаркий для Прибалтики день. Мелкие волны размеренной чередой шли к пляжу, лениво сворачиваясь в вафли. На горизонте медленно перемещались, то сбиваясь в кучу, то вытягиваясь в красивую эскадру, белые треугольники яхт. И над всем этим на юго-западе висел голубой и зубчатый, как старая поломанная пила, силуэт Таллина, грозные камни Таллина.

Вчера ребята уже успели разбить палатку в лесу, в ста метрах от последнего дома пригородного курортного поселка Пирита. Галке, как она ни сопротивлялась, жить в палатке не позволили. Алик и Димка зашли в соседний дом и увидели хозяина, пожилого мужчину. Он сидел на корточках и фотографировал огромного доброго пса, лежащего на крыльце. По двору бегали еще две собачки, три кошки, павлин и жеребенок. Ребята представились хозяину и сказали, что они студенты-ихтиологи из Москвы и приехали сюда для изучения нравов рыб Финского залива. Хозяина звали Янсонс. Он сказал, что он анималист, что он охотно сдает для девушки комнату на мансарде, жена будет только рада, денег не надо, -- а ребятам он с удовольствием окажет помощь в благородном деле изучения нравов рыб Финского залива. Так что с устройством быта все произошло легко, как в сказке.

-- Чудаки не дадут нам погибнуть, -- сказал Димка, ликуя.

Ребята спустились с холма и направились в дальний конец пляжа, где еще виднелись островки свободной суши. Впереди шел Димка. На плече он нес рюкзак и ласты. Затем следовал Юрка с подводным ружьем. Алик независимо шествовал с пищущей машинкой. Замыкала отряд Галка. У нее на плече висела сумка с надписью "SAS".

-- Приказываю установить наблюдение за заливом, -- распорядился Димка, -- при появлении судна Янсонса выкинуть международный сигнал: "К нам, к нам, дядя!"

-- Что делать женщинам, капитан? -- приложив два пальца к виску, спросила Брижит Бардо.

-- Раздеваться. Лечь в стороне, загорать и как можно реже давать о себе знать.

Они постелили полотенца, закопали в песок лимонад и улеглось в ряд, подставив спины солнцу.

-- Сэр, я предлагаю провести общую политическую дискуссию, -- сказал Алик, -- пусть каждый внесет свои предложения на повестку дня.

-- Проблема пищи, -- сказал Димка.

-- То есть финансовая проблема, -- уточнил Юрка.

-- А мне можно, капитан? -- робко пискнула Галя. -- Проблема равноправия женщин, капитан.

-- Молчать!

Дебатировалась финансовая проблема. В наличии имелось 1500 рублей. Сумма сама по себе громадная, но на нее надо было прожить месяц вчетвером.

[...]

Кроме того, имелось десять лотерейных билетов. Короче говоря, надо было дотянуть до тиража.

-- Наши мысли не что иное, как электромагнитные колебания, -- сказал Алик. -- Если в день тиража мы напряжем свою волю, учетверенная мощность наших импульсов... Вам ясно? Телепатия и так далее. Выигрыш обеспечен.

-- "Волгу" продадим, купим "Москвича" и на нем покатаем в Ленинград, -- рассудил Димка.

-- Дети, -- сказала Галка, а Юрка захохотал.

-- Вот с такими настроениями ни черта не выиграешь, -- разозлился Алик.

-- В общем, жрать пока надо поменьше, -- подытожил Юрка. -- До тиража. Потом уж поедим.

-- Ты же обещал нас всех кормить рыбой, -- заметила Галя.

-- Рыбы-то, пожалуйста, ешь сколько угодно.

-- Да где она?

-- Финского залива тебе хватит на ужин?

-- Я не понимаю, что это вы так разволновались из-за этих дурацких денег? -- сказал Димка.

-- Правда, чего мы волнуемся? -- улыбнулась Галя. -- Ведь наш капитан обыграет всех на бильярде, а Алик наводнит местные газеты своими стихами, балладами, новеллами, баснями, шарадами.

-- Ты вроде струсил, детка? Побежишь на телеграф, как говорил эта дубина Игорь?

Галя села, подняла голову, и лицо у нее стало таким, что ребята уткнулись в песок.

-- Что мне трусить? Разве трусят, когда впервые видят море? И едут на поезде так далеко и... все вместе? Я ничего не боюсь, когда... Ой, мальчишки, мне сейчас так... Боюсь только женоненавистников. -- Она открыла глаза и улыбнулась Димке. -- Но, к счастью их не так много.

-- Судно Янсона в двух кабельтовых на норд-осте! -- доложил Юрка.

Димка встал.

-- Женщины и поэты остаются на берегу. Человек-амфибия и я идем на промысел. Сбор в шесть вечера возле автобусной остановки.

А Галя все сидела с таким лицом, что просто не было сил на нее смотреть.

К ногам Димки подкатился волейбольный мяч. Ишь ты, сидит, раз мечталась! Актриса! Сидит и будто не видит этих типчиков, что перебрались к ней поближе со своим мячом.

-- Уловил? -- сказал Димка Юрке зловеще.

-- К Галке хотят подклеиться. Ясно.

Трое парней, все как на подбор, стояли и ждали, когда Димка подает им мяч.

-- Покажем им?

-- Пошли.

Димка небрежно одной рукой поднял мяч и, раскручивая его, пошел к парням.

-- Подкинь мне вон на того пижона. Покажем им, чертям, столичный класс! Ну-ка, давай, Юрка! Дима-а! Ничего, подождете, дойдет и до вас очередь. Еще заплачешь, пижончик. Давай, Димка! Юра-а! Выше! Узнаете, как клеиться к нашим девочкам! Разве Галка -- твоя девочка? Просто товарищ, как Алька. Это -- ее личное дело. Ей, небось, нравится, что она пользуется успехом здесь. Давай-давай! Можешь ты кинуть как следует? Не нравится мне этот пижончик. Просто не нравится, и все. Галка здесь ни при чем. Ну, давай!

Трое парней довольно равнодушно смотрели, как изгалялись Димка и Юрка. Наконец Димка уловил темп, прыгнул и ахнул что есть силы прямо в того пижончика. Пижончик принял мяч, падая на спину, и покатился, как заправский защитник.

-- Молодец! -- закричала Галка. Димка оглянулся на нее. Открыла глаза, спящая принцесса! Странно, что вот такие пижончики и пользуются у девчонок самым большим успехом. А взял он здорово. Молоток!

Мяч снова отскочил к Димке. Он поймал его и бросил далеко в сторону. Сказал пижончику:

-- Что вам, места больше нет? У нас тут творческая личность, ему нужна

[...]

тишина и чистый воздух. Понятно?

Ребята поговорили между собой по-эстонски, засмеялись и пошли туда, куда Димка забросил мяч.

-- Молодец, -- сказала Галя, -- какой ты молодец, Дима!

-- Слушай, детка. -- Димка нахмурился. -- Хочу тебя предупредить. Кончай, знаешь, свои закидоны глазками и прочие шуры-муры. Мы не собираемся тут за тебя кашу расхлебывать. Алька, смотри тут за ней!

Алик, ничего не замечая, словно одержимый, стучал на пишущей машинке.

-- Ребята сами подошли, -- сердито сказала Галя. -- Что я их, звала?

-- Ты хочешь сказать, что пользуешься успехом? -- А тебе в конце концов какое до этого дело? -- Алик, слышишь, Галка пользуется успехом.

Алик вздрогнул, посмотрел на них, лег на песок и сказал в бороду:

-- Кому же еще пользоваться успехом, если не ей? Димка не унимался:

-- Юрка, ты слышишь: Галка-то наша пользуется успехом!

-- А нет, что ли? -- Юрка проверял свою снасть. -- Ты думаешь, не пользуется?

-- Конечно, пользуется. Я же и говорю, что пользуется.

Юрка перекинул через плечо ласты,

-- Я считаю, -- сказал он, -- что в нашей школе больше никто и не пользовался таким успехом, как Галка. Вот, может, еще Боярчук.

-- Боярчук... Люся? -- встрепенулся Алик. -- Да, да!..

-- Нет! -- торжественно заявил Димка. -- Боярчук в счет не идет. Из нашей школы только Галка пользуется настоящим успехом. Боярчук ведь еще недоразвитая.

-- В каком смысле? -- Алик сел и уставился на Димку.

-- В женском смысле, конечно. У Галки уже есть все, чтобы пользоваться настоящим успехом. А Боярчук, -- Димка показал в воздухе, какая она, эта Боярчук. Плоская, мол.

Юрка захохотал:

-- В этом смысла точно!

Галя переводила взгляд с одного на другого. Она была поражена. Ребята, ее друзья, впервые при ней вели такой разговор. В поезде они трепались о любви, но это же был обычный треп. А теперь они говорят так о ней! Ее друзья! А Димка даже с какой-то злобой. Подлец!

-- И все-таки глаза у Люси... Боярчук удивительные, -- сказал Алик.

-- Глаза! -- засмеялся Димка. -- Ха-ха, глаза! Что ты будешь с глазами-то делать? С одними глазами успеха не завоешь. Наша Галка глазами, думаешь, всех покоряет?

Галя вскочила и ударила Димку по щеке.

-- Дурак, дурак, дурак! -- Отбежала в сторону и упала на песок. -- Все вы дураки и щенки!

Димка стоял, закрыв рукой щеку и глаз, и одним глазом смотрел на все вокруг. В этот миг берег, и лес, и люди выглядели, как десять лет назад, когда он захлебнулся в воде и на мгновение потерял сознание. После этого все казалось вот таким, неузнаваемым.

-- Идиотка! -- крикнул он первое, что пришло в голову. И сразу все стало на место. Галкина золотистая голова покачивалась за бугром. Плачет, что ли? Вот еще напасть с ней! А Алька-то какого черта смотрит, словно стервятник?

-- Янсонс сигналит, -- сказал Юрка, -- пошли.

Алик с минуту смотрел им в спины, потом побежал и рванул Димку за плечо.

-- Слушай, ты, ты! -- пробормотал он. -- Ты неправ насчет глаз! Глаза -- зеркало души.

-- Напиши это в стихах, -- буркнул Димка.

-- Не прикидывайся, Димка, что тебе наплавать на глаза.

-- Отстань! Видишь, нам Янсонс сигналит.

-- Да ладно вам, -- сказал Юрка.

Они снова пошли к воде, но Димка обернулся. Бородатый черт смотрел им вслед. Теоретик! Любви нет. Удовлетворение половой потребности. А сам готов разреветься из-за глаз этой Боярчук.

-- Слушай, Алька, скажи ей, что она права, -- я дурак. И все мы дураки.

[...

Скажи, чтоб не куksилась.

-- И развези там киселя побольше, -- добавил Юрка.

-- ХОРОШО, ВЫ ДУРАКИ, -- сказала Галя, -- я это давно знала, но я не знала, что вы такие.

-- Понимаешь, -- Алик заглянул ей в глаза, -- Димка стал какой-то странный. По-моему, он что-то затаил.

-- Ты уверен? -- воскликнула Галя. -- По-твоему, он что-то затаил?

Она посмотрела в море. Там, довольно далеко от берега, стояло судно Янсонса. По мелководью к нему бежали Юрка и Димка. Устроили вокруг себя настоящее безобразие, тучи брызг поднимают. Вот стало трудно бежать. Идут. Поплыли. Неужели Димка что-то затаил? Неужели это возможно?

-- Я подозреваю, -- сказал Алик, -- я не хочу тебе говорить, это не по-товарищески, но мне кажется...

-- Алька, можно тебя дернуть за бородку? Можно, а? Ну, миленький Алинька, можно разочек? Всего один разик?

-- ХОРОШЕЕ СУДНО У ЯНСОНСА, -- сказал Димка, -- и сам он дядька хороший.

-- А что такое анималист? -- спросил Юрка.

-- По-моему, это что-то из зоотехники.

Янсонс сидел на корме своей голубой моторки. Издали, в курточке и восьмиугольной фуражке, он был похож на юношу. Моторка покачивалась на волнах. Голубые тени скользили по ее корпусу. Солнце отсвечивало вокруг в воде, вращалось маленькими волчками. Янсонс, загадочный анималист, сидел на корме и улыбался подплывающим ребятам из-за своей трубки.

"СТУЧИТ И СТУЧИТ. Какой смешной этот Алик!" -- подумала Галя.

Она уже два раза выкупалась. Поиграла в волейбол с теми ребятами. Ребята оказались рабочими с таллинского завода "Вольта", Они говорили по-русски с удивительно милым акцентом. А Алик все стучал на своей машинке. "Все-таки он молодец!" -- подумала Галя, Сценарист, беллетрист и поэт Александр Крамер за эти два часа написал уже один рассказ и три стихотворения; о трактористе, ко Дню Военно-Морского Флота и ко Дню физкультурника.

Бронзой мускулов,
День. звени!
Будут ли тусклыми
Наши дни?

Мускулы-тусклыми! Железная рифма. Отхватят с руками. 48 строчек по 5 рублей -- 240! Неплохо за два часа! Конечно, это халтура, но кто не халтурил? И Маяковский себя смирял, становясь на горло собственной песне.

Десять окурков валялись рядом с ним на песке. Закуривая новую сигарету, он поднял вверх свою бородку (паршивенькая, надо сказать, бороденка!) и поправил синий платок на шее.

Глава седьмая

СТАРЫЙ ТАЛЛИН сверху вниз -- дым, черепица, камни, ликеры, глинт, оружие и керамика. По улице Виру мимо двух сторожевых башен, мимо ресторанов, кафе и магазинов, через Ратушную площадь на улицу Пикк. Или под воротами "Суур Раннавярв" мимо чудовищной башни "Пакс Маргарета" на ту же улицу Пикк. Словно ущелье, она рассекает старый город, и нет на ней ни одного дома моложе 400 лет. Золоченые калачи над тротуарами, голуби на плитах мостовой. Вывески редакций, проектных организаций. Где же эти бургеры, хозяева домов, и булочки, и жестянички, где "братья-черноголовые", и стражники, и иноземные гости в доспехах? Все это в глинте, а часть -- в музее. Хотите пойти в музей? Ну его к черту! Пошли на

[...]

Тоомпса!

Теперь их было пятеро. К ним присоединилась высокая девушка по имени Линда. Вернее, ее присоединил к ним Юрка после одного танцевального вечера.

Есть в баскетболе прием, который называется "заслон". Нахальные мальчишки применяют этот прием на танцах. Если с девушкой, которая вам понравилась, кто-то стоит, ваш товарищ подходит к этому типу и спрашивает спичек или где здесь туалет, короче говоря, делает "заслон". А вы тем временем приглашаете девушку. Конечно, все это не помогло бы, если бы Линда не узнала Юрку. Оказывается, она была на всесоюзных школьных соревнованиях по баскетболу, где на Юрку чуть ли не молились. В этом году Линда тоже окончила школу и собиралась поступать в политехнический институт. Она родилась и выросла в Таллине и взяла на себя обязанности гида.

-- Вана Таллин! -- иногда восклицала или шептала она, стоя на какой-нибудь возвышенности. Рассеянно приглаживала темные волосы. Была у нее особенность; она не щурилась на солнце. И когда она смотрела на него, не щурясь, у нее был неистовый вид. А вообще-то она была смиренная и немного печальная.

"Удивительная", -- думал Алик, завидуя Юрке, что он такой высокий.

-- Правда, забавная? -- спрашивал Юрка. Он приходил теперь в палатку в два часа ночи. Алик читал при свете ручного фонарика или слушал шум сосен и дальний голос моря. Иногда там вскрикивали буксиры. Алик поглаживал бородку и убеждал себя, что думает о проблемах современного стиля, и все в нем бурлило. Являлся Юрка, валился на свое ложе и начинал шумно вздыхать, напрашиваясь на разговор.

-- Ну, как? -- спрашивал Алик.

-- Порядок! -- кричал Юрка и начинал хохотать.

-- Полный порядочек! Девочка что надо!

-- Да брось ты!

-- А что?

Алик злился на Юрку за его хохот и эти словечки. Но он знал, что если бы у него появилась девочка, он так же бы хохотал и говорил бы примерно то же. Честно говоря, это противно. Это надоело уже. Влюбился, так и не притворяйся. Можешь петь хоть всю ночь или поплачь. Делай что-нибудь человеческое. Все равно ведь не спишь до утра.

Димка приходил на час позже Юрки. Он не притворялся. Не говорил ни слова по ночам. Сидел возле палатки до зари. Курил. Может быть, это оттого, что у него началось что-то настоящее, мужское? И с Галей, с подружкой их детских лет.

А с утра они были все вместе-на пляже, в столовой, в городе. Линда объясняла:

-- На Вышгороде жили рыцари, а в нижнем городе-купцы. Рыцари были не прочь пожить за счет богатых купцов. Тогда купцы построили свою крепость. Вы видите часть этой стены, которой когда-то был обнесен весь Таллин. Вот это ору дийная башня "Кин-ин-де-Кэк". Над нижним городом доминирует башня Ратуши, на которой имеется флюгер в виде стражника городских ворот. Это символ Таллина -- "старый Тоомас". Он не только показывает направление ветра, но также следит за порядком в городе и за тем, чтобы женщины не сплетничали. В былые времена сплетниц приковывали к стене Ратуши.

-- Неплохо! -- кричал Димка.

-- А мужчин приковывали за измену женам.

-- Вот тебе! -- шептала Галя.

УБЕЖДЕННЫЙ МОДЕРНИСТ, Александр Крамер уже целый час сидел в Домской церкви и слушал орган. Он, поклонник джаза, слушал баховские фуги. На каждом шагу старый Таллин изумлял его. Вот из-под арки жилого дома таращат жерла две чугунные пушки. Рядом вход а детскую консультацию.

-- Простите, вы здесь живете? -- спросил Алик женщину в зеленой шляпке.
-- Вы не можете сказать, что это за пушки?

-- Не знаю.

-- Но все-таки, откуда они? Кто их здесь поставил?

-- Никто их здесь не ставил. Они давно здесь стоят.

[...

-- Давно? Да уж, наверное, лет триста, а?

-- Я не знаю. Что вам надо, гражданин?

В самом деле, что нужно этому гражданину? Вот он идет, загадочный гражданин Алик Крамер, На щеках у него редкая борода, а на худой шее синий платочек. Прохожие оборачиваются на задумчивого семнадцатилетнего гражданина. Он останавливается у витрины магазина художественных изделий. Его внимание привлекает высокая керамическая ваза. В кармане у него сорок рублей. Их выдал ему Юрка для пополнения запасов сахара, чая и хлеба. Орел или решка? Искусство или жратва?

-- КОКНУ Я ЕЕ СЕЙЧАС О ТВОЮ ЧЕРЕПУШКУ -- задумчиво сказал Юрка, глядя на произведение искусства.

-- Неужели ты не понимаешь? -- воскликнул Алик. -- Посмотри, какое удивительное сочетание современного стиля и национальных традиций!

-- Мне пища нужна! -- заорал Юрка. -- Я не собираюсь терять форму из-за какого-то психопата!

Алик, презрительно улыбаясь, забрал вазу и пошел на почту. Он написал записку: "Люся, обрати внимание на удивительное сочетание современного стиля и национальных традиций". Упаковал вазу и написал адрес: "Москва, ... Л. Боярчук".

ЛИНДА -- КАМЕННАЯ ЖЕНЩИНА, Она сидит, печально поникшая, окруженная искривленными черными, фантастическими деревьями. Нужен закат, чтобы все было, как на самом деле несколько ты сячелетий назад. Погиб Калев, белокурый гигант. Могучий Калев, любимый муж. Плачет Линда.

-- И вот она плакала-плакала и наплакала целое озеро. До сих пор это озеро -- единственный источник водоснабжения нашего города.

Живая Линда повернулась к Юрке, мощному парню в красной рубашке с закатанными рукавами.

-- Нравится тебе Линда?

-- Которая?

-- Вот эта.

-- Каменная она.

-- А другая?

-- Вот эта?

-- Ты с ума сошел!

-- ТЕБЕ НРАВИТСЯ ЮРКА? Ты им увлечена? -- спросила Галя Линду.

-- Да. -- Линда, не отрываясь, смотрела на песчаную отмель, где Юрка, Димка и Алик ходили на руках. -- Но я его иногда не понимаю.

-- Не понимаешь? Разве он такой сложный?

-- Он часто говорит непонятно. Я русский язык знаю хорошо, но его я не понимаю. Недавно он назвал меня молотком. "Ты молоток, Линда", -- так он сказал. Что ты смеешься? Разве я похожа на молоток? А вчера на стадионе, когда "Калев" стал проигрывать, он сказал: "Повели кота на мыло". При чем тут кот и при чем мыло?

-- ПОРА ОБЕДАТЬ, -- сказала Галя. Ребята не шелохнулись. Алик лежал с карандашом в зубах, Димка читал Хемингуэя, Юрка старательно насвистывал знакомую песенку.

-- Ну, что же вы? Димка, Алик!

-- Идите, девочки, мы потом, -- буркнул Димка. Юрка протянул Гале десятку.

-- Опять потом? Что с вами случилось?

-- Я же тебе объяснял, детка. Я привык есть позже. У нас дома обед всегда в пять. Мама накрывает только, когда вся гопкомпания в сборе. Я привык позже обедать. Я человек режима.

-- Ну и я тогда пойду позже.

-- Нет, ты пойдешь сейчас. Тебе тоже надо соблюдать режим, иначе в театральный институт не примут.

-- А ну тебя! Алик, пошли обедать!

-- Повыше, повыше забрало! -- промывчал Алик.

[...]

-- Оставь его в покое. Не видишь, человек в прострации.

-- Юра, ты не хочешь обедать? -- спросила Линда. Юрка приподнялся и посмотрел на нее.

-- Понимаешь, Линдочка, я за завтраком железно нарубался...

Линда в ужасе зажала уши и побежала к выходу с пляжа.

-- Пусть вам будет хуже, -- сказала Галка и побежала за Линдой.

Она догнала ее и обернулась. Ребята лежали в прежних позах. Костлявая рука Алика моталась в воздухе. Он всегда махал рукой, когда сочинял стихи. Галя посмотрела на десятку в своей руке.

-- Линда, иди одна обедать. Мне надо, видишь ли... До вечера!

-- ДВУХРАЗОВОЕ ПИТАНИЕ УКРЕПЛЯЕТ НЕРВНУЮ СИСТЕМУ. Нужно только привыкнуть, -- сказал Димка.

-- Это ты у Хемингуэя прочел? -- спросил Юрка.

Алик встал, поднял руки к небу и завыл:

-- Каждый молод, молод, молод, в животе чертовский голод... Лично я очень доволен, что мы отказались от обедов. Когда сыт, чувствуешь себя свиньей. Сейчас меня терзает вдохновение. Стихи можно писать только на голодный желудок.

-- А музыку? -- спросил Димка.

-- Тоже.

-- Юрка, давай сочинять музыку. Я буду труба, а ты саксофон. Начали!

Димка сложил ладони у рта и вступил трубой. Юрка загудел саксофоном. Алик стал хлопать в ладоши и приплясывать.

Они уже давно не пытались больше ловить рыбу. Четвертый день они не обедали, под благовидным предлогом отсылая Галку в ресторан. Зато каждый вечер они сидели в кафе. Правда, пили уже не "Ереванский". Черт побери, нужно уметь приносить жертвы! Орел или решка? Обеды или кафе? И вот мы такие счастливые, голодные, трубим, как целый оркестр. Стоит вспомнить тусклые лампочки в коридорах "Барселоны", когда сидишь за полированной стойкой под нарисованными звездами. Стоит вспомнить затертые учебники, когда, лежа на песке, изображаешь джаз.

-- Ребята, есть предложение! -- воскликнул Алик. -- Давайте погрузимся в состояние "зена" -- полное слияние с природой.

-- Это вместо обеда? -- мрачно спросил саксофон.

-- Пошли, погрузимся в сон, -- устало предложила труба.

Возле палатки они увидели костер. Над костром висел котел. Трещали пузыри. Пахло едой. Рядом стояла, руки в боки, Лолита Торрес.

-- Хорошие вы собаки! -- с нескрываемым презрением сказала она.

-- УЗНАЕШЬ КРЕТИНА, ДИМКА? -- спросил Юрка и показал ногой в сторону моря. По твердому песку у самой воды шел поджарый, точно борзая, парень в голубых плавках. У него был огромный, "сократовский" лоб и срезанный подбородок.

-- Да это же тот лабух из Малаховки! -- воскликнул Алик.-- Помнишь?

-- Не помню, -- буркнул Димка. -- Ты же с ним потом что-то такое... Он к тебе даже заходил.

Проклятый Фрам вместо того, чтобы пройти мимо, остановился и мечтательно уставился на горизонт. Потом обернулся лицом к пляжу и стал разглядывать загорающих. Только здесь его и не хватало!

-- Ребята, я пошел за лимонадом, -- сказал Димка, но в это время Фрам увидел их и радостно заорал:

-- Земляки! -- Помчался огромными прыжками. -- Хелло, дружище! -- завопил он и схватил Димку за руку с таким видом, словно предлагал ему пуститься дальше вместе, как два брата Знаменские на картинке. Димка вырвал руку и отрезвляюще похлопал его по плечу. Фрам повернулся к девушкам.

-- Разрешите представиться. Петя. Извините, мы с Димой отойдем на несколько минут.

Он взял Димку под руку, отвел в сторону и протянул ему сигарету.

-- Чистая? -- спросил Димка.

-- Не волнуйся. Я больше этого не употребляю. Здоровье дороже.

-- Ты поумнел. Ты поумнел и польсел, Фрам. Сколько тебе лет?

[...]

-- Четвертак ровно.

-- Рано лысеешь.

-- Некоторые излишества бурной молодости. Но теперь все: буду вести жизнь, близкую к природе.

Потянулся блаженно и, протянув руки к горизонту, воскликнул:

-- Парадиз, как говорил Петр Первый! Ва-ва-сы-са! А ты здесь надолго?

-- Нет, скоро уходим дальше по побережью.

-- В Москву когда?

-- Не скоро.

-- Молодец! Самое главное в профессии пулеметчика -- это вовремя смыться.

-- О чем это ты?

-- Будто святой. Димочка еще маленький, он ничего не знает. Ай, ловкий ты парень!

-- Я действительно ничего не знаю. Что ты вылупился?

Фрам ухмыльнулся.

-- В Москве разгон. наших берут пачками, прямо теплых.

-- Кого наших?

-- Таких, как мы с тобой, фарцовых.

Димка посмотрел на Фрама и сразу вспомнил их всех и все: "летом в центре ужасно весело. Косяки туристов. Катят "форды", "пontiаки", "мерседесы". Посмотри, какая девочка. Не теряйся. Что там они шепчутся в подъезде гостиницы? Вот они все стоят, а лица мертвые от неоновых ламп. Пошли, что же вы? Иди, мы тебя догоним. Иди, малыш. Так вот в чем дело".

Димка сжал кулаки. "Дать пинка Фраму и погнать его отсюда, с пляжа? И в лесу ему нет места, в сосновом чистом лесу. В болоте тебе место, подлюга! Беги туда, а я закидаю тебя торфом. Ишь ты, мерзавец: "Таких, как мы с тобой". Я не хочу и рядом с тобой стоять! Дать ему, что ли, пинка?"

-- Ты что, меня тоже фарцовщиком считаешь?

-- А то нет? Ходил же ты с кодлой. И джинсы купил у Барханова.

-- Да я понятия не имел о ваших делишках!

-- Раз ходил с нами -- значит, все. Достаточно для общественного суда и для фельетона. Может быть, уже прославился. Про меня-то в "Вечерке" писали в связи с делом Булгакова. "Появлялся там также некий Фрам". Хорошо, что никто не знал, где я живу. Что это, Дима, ты так побледнел? Сэ ля ви, как говорит Шарль де Голль. Пусть земля горит под ногами тунеядцев! Кто не работает, тот не ест. Как будто это не работа? За вечер семь потов с тебя прольется, Ходишь, как мышь.

-- Ты и есть мышь.

-- А ты?

-- В зубы дам!

-- Не обижаюсь, учитывая твою хрупкую душевную архитектуру. Ладно, Дима, что было, то прошло. Нет к прошлому возврата...

-- Это уж точно, -- пробормотал Димка.

-- ...и в сердце нет огня. Давай о других материях. Что за кадришки с вами?

-- Блондинка -- моя невеста, -- сказал Димка.

-- А-га! -- Фрам улыбнулся.

-- Поздравляю.

-- Я тебе дам совет, -- тихо сказал Димка, -- как увидишь этих девочек, беги от них подальше. Сразу, как увидишь, так и беги. Понял меня?

-- Слово друга! -- Фрам протянул руку, и Димка пожал ее. -- Ты меня мало знаешь, но ты узнаешь лучше. Законы дружбы для меня святы, чего не могу сказать о других законах. -- Он встал. -- Я пошел. Туда. Там у нас компания. Жрецы искусства, отличные люди. Играем в покер каждодневно. Пока. Увидимся. Он спустился к твердой полосе песка и оттуда сдержанно поклонился девушкам. Пошел, поджарый, как борзая.

ДИМКА ИГРАЛ В ПОКЕР. У него была хорошая карта. Все уже спасовали. Остался только один противник, научного вида мужчина, Он все хихикал, как будто знал о тебе какую-то гадость, Остальные "жрецы искусства" в римских позах лежали вокруг. Перед игрой Фрам шепнул Димке: "Блефуй, как можешь. У

[...

них нервы слабые". А зачем блефовать, если у тебя такая отличная карта? Просто смешно слышать хихиканье этого очкастого. Хихикает, словно у него флеш-рояль. Посмотрим, у кого нервы крепче. Отличная игра -- покер, мужская игра, в банке уже куча фишек. То-то обрадуются ребята. Можно будет снова обедать. Чертовы нытики! Дима, не надо. Брось, Димка! В конце концов, Димка, это противно! Азартные игры -- пережиток капитализма, сказала Линда. А ей-то вообще какое дело? Сейчас обрадуетесь, нытики. Димка выложил пять фишек.

-- Олег, можно тебя на минуточку? -- сказал известный драматический актер Григорий Долгов. Очкастый встал и отошел с ним.

-- Брось, Олег, -- сказал Долгов, -- отдай ему игру.

-- Не отдам.

-- Ты же видишь, что с мальчишкой делается.

-- Не отдам я ему игру.

-- Обеднеешь ты от этого?

-- Нахалов надо учить.

-- Ну, смотри.

Долгов снова лег на песок и подумал об очкастом:

"Ограниченный человек! Как-нибудь вверну про него мимоходом Теплицкому -- ограниченный, мол, человек".

Димка выложил все свои фишки и посмотрел на очкастого. Не может быть, что у него флеш-рояль. Не может этого быть.

Очкастый хихикнул и выложил свои фишки.

-- Посмотрим?

-- Посмотрим.

У очкастого была флеш-рояль.

Галя и Димка брели по аллее в лесу. Аллея в лесу! Дикость какая-то. Да что это за лес? Цивилизация, черт бы ее побрал! А велосипеды? Собрать в кучу все велосипеды и поджечь. Вот было бы весело!

-- Сколько же ты все-таки проиграл?

-- Не спрашивай.

-- А сколько у нас осталось?

-- Не спрашивай.

-- Димка, что же нам теперь делать?

-- Побежишь на телеграф?

-- Дурак!

НАВСТРЕЧУ ИМ ШЕЛ ШИКАРНЫЙ И БОДРЫЙ АРТИСТ ДОЛГОВ.

-- Не огорчайтесь, Дима, -- сказал он мимоходом, -- деньги -- это зола.

-- Кто это? -- спросила Галя и оглянулась. -- Знакомое лицо!

-- А ну их всех! -- махнул рукой Димка. Он брел, опустив голову.

Брижит Бардо снова оглянулась. Долгов догнал их.

-- Слушайте, Дима, -- тихо сказал он, -- у вас вообще как с финансами? В крайнем случае не смущайтесь. Если хотите на месяц в долг...

-- Пока терпимо. Спасибо.

-- Я сам был в таких переделках и поэтому вам сочувствую.

"Ужасно ему сочувствую", -- проговорил он в уме.

-- Очень тронут, -- сказал Димка.

-- Да! -- воскликнул артист. -- Сегодня я отмечаю небольшое событие.

Приходите вечером в ресторан "Пирита". Вы и ваша подруга. Простите, я не представился. -- Он кивнул Гале. -- Григорий.

-- С какой стати мы придем?

-- Приходите запросто. Все вам будут рады. Молодые лица оживляют компанию.

"Молодые лица оживляют компанию", -- сказал он себе. Дружески хлопнул Димку по плечу, пожал руку Гале и зашагал, шикарный и бодрый. На повороте он оглянулся и несколько минут смотрел, как удаляются по асфальтированной аллее золотоволосая девушка (почти девочка, черт возьми!) и понурый парнишка в черной рубашке и джинсах.

"Ужасно жалко этого мальчика. Я ему страшно сочувствую. Сам ведь бывал в таких переделках", -- убедительно сказал себе известный артист.

-- Я не хочу, чтобы ты был таким! -- почти кричала Галя. -- Как ты стоял рядом с этим! Не могу этого видеть! Ты не должен быть таким! Ты не

[...]

должен так стоять! Никогда и ни перед кем!

-- Уймись, Галка, что ты понимаешь в мужских делах?

Некоторое время они шли молча, а потом Галя спросила:

-- Кто он такой?

-- Какой-то артист. Долгов его фамилия.

-- Григорий Долгов! -- только и воскликнула Галя.

Галя вспомнила его фотокарточку, которая осталась дома в ее альбоме. Карточка была с автографом; сколько они ждали тогда: полчаса, час? А он вышел из другого подъезда. Все девочки побежали, как сумасшедшие, а Нинка стала толкаться локтями. Это было после спектакля "Гамлет", потрясшего весь город. Страшный, страшный Гамлет был тогда на сцене, и это был Долгов. Как она могла не узнать его сейчас?

-- ПО ЧЕТВЕРГАМ У НАС ВСЕГДА СВЕЧИ, -- объяснил официант.

-- Как это мило! -- воскликнула красивая женщина, которая сидела рядом с Долговым и которую называли то Анни, то Анной Андреевной.

-- Все-таки умеют они, эстонцы, знаете ли вот это, -- сказал очкастый.

"У, гад!" -- подумал Димка.

Стол был великолепен. "Ереванского" тут было несколько бутылок.

-- Ну, -- сказала Анна Андреевна, когда все рюмки были налиты. -- В этот знаменательный день я могу только выразить сожаление, что деятельность нашего друга не носит ныне такого прогрессивного характера, как двадцать лет назад.

Все засмеялись. Сегодня Долгов отмечал двадцатую годовщину своего выхода на сцену. Начал он с того, что изображал ноги верблюда в "Демоне".

-- Дима, веселей! -- крикнул Долгов и потянулся с рюмкой. -- Галочка, вам шампанского? Он посмотрел на Галю и подумал:

"Почему именно она?"

Чокнулся с Димкой и сказал себе настойчиво:

"Сочувствую ему, пусть поест. Сочувствую молодежи".

В зале на столах стояли свечи. Электричество было погашено, и поэтому за окнами довольно четко был виден треугольный силуэт развалин. Но туда никто не смотрел.

-- Марина, Марина, Марина! -- кричала певица и делала жесты.

Димка танцевал с Галей. Долгов смотрел на нее, длинноногую, золотокудрую и думал:

"Прямо с обложки. И почему именно она? -- Поймал ее испуганный взгляд и решил: -- Ну, все".

Встал и пошел в туалет. Посмотрел в зеркало на свое лицо. Резко очерченная челюсть, мешки под глазами. Хорошее лицо. Лицо героя.

"Мало ли их вокруг на киностудии и в театре! Есть и не хуже. Почему вдруг именно этот ребенок?"

Хорошее лицо. Мужественное лицо. Волевое. Может быть угрожающим. Вот так. Всегда романтическое лицо.

"Сложный человек", -- сказал он себе о себе.

Электричество светилось только в другом зале над стойкой буфета. Димка пошел туда. Ему захотелось постоять у стойки и поболтать с буфетчицей. Буфетчица сказала сердито и с сильным акцентом:

-- Учиться надо, молодой человек, а не по ресторанам ходить!

-- У вас, наверное, сын такой, как я, да? -- спросил Димка.

-- Он не такой, как вы, -- ответила буфетчица.

Димка вернулся в полутемный зал и еще из дверей увидел Галю. Она разговаривала с Анной Андреевной. Глаза ее блестели.

"Галочка моя! -- подумал Димка. -- Ты самая красивая здесь. Ты красивее даже Анны Андреевны".

Чинная атмосфера в зале уже разрядилась. Где-то пели, то тут, то там начинали кричать. Меж столов бродили мужчины с рюмками. Все в вечерних костюмах и белых рубашках.

"Сплошные корифеи, -- думал Димка. -- А у меня вот нет костюма. Кто сейчас носит мой костюм? Зато на мне куртка что надо. У кого из вас есть такая куртка? И вообще-вы, корифеи! -- я тут моложе вас всех. У меня вся жизнь впереди. Сидят, как будто у каждого из них флеш-рояль! Эй, корифеи,

[...]

кто из вас сможет сделать такую штуку?"

И Димка к своему ужасу вдруг посреди зала сделал колесо.

-- Почему вы хотите стать актрисой, Галочка? -- спросила Анна Андреевна.

-- Потому что это -- самое прекрасное из всего, что я знаю! -- воскликнула Галя. -- Театр -- это самое прекрасное!

-- А вы бы смогли играть Джульетту на платформа из-под угля и под непрерывным морозящим дождем?

-- Да! Смогла бы! Уверена, что смогла бы! Анна Андреевна смотрела в окно на силуэт развалин.

-- А потом пошел снег, -- проговорила она. -- Тракторы зажгли фары, и мы доиграли сцену до конца. Как они кричали тогда, как аплодировали! Я простудилась и вышла из строя на месяц.

-- Анна Андреевна! -- прошептала Галя.

-- Вы будете актрисой, -- громко сказал Долгов.

-- Почему вы так думаете? -- встрепелась Галя.

-- Мне показалось. Мне показалось, вы понимаете, что такое искусство. Как оно сжигает человека. Сжигает до конца.

-- До конца, -- как эхо, повторила Галя, не спуская с него глаз.

-- Жоржик! -- игриво сказала Анна Андреевна. Долгов сердито покосился на нее.

-- Пойдемте танцевать, Галя.

-- Посмотрите на меня, -- говорил он, церемонно кружа девушку, -- во мне ничего не осталось. Все человеческое во мне сторело. Я только артист.

-- Что вы говорите? -- в ужасе расширила глаза Галя. -- Разве артист не человек? Вы знаменитый артист...

-- Да, я знаменитый. Я и не мог быть не знаменитым, потому что я весь сторел. Все знаменитые артисты сторели дотла. Вы понимаете меня? -- Нет, -- прошептала Галя и на мгновение закрыла глаза.

"Сложный я человек, -- сказал себе Долгов и подумал: -- Все. Все в порядке".

"Жоржик, -- думала Анна Андреевна. -- Фу, какой отвратительный Жоржик! И что с ним происходит на сцене? Я никогда не могла этого понять". Она встала и ушла.

-- Ты на меня не сердись? -- допытывался очкастый у Димки. -- Я же не виноват, что у меня была флеш-рояль. Давай, будем друзьями, ладно? Если у тебя туго с деньгами, я могу помочь. Он долго возился в карманах и протянул Димке сторублевую бумажку. Димка взял ее и посмотрел на свет.

-- Будем друзьями, -- сказал он, -- если ты не фальшивомонетчик. У тебя отличная лысина, мой друг. Ее хочется оклеить этими бумажками. А хочешь, я сошью тебе тюбетейку из сторублевок? Тебе очень пойдет такая тюбетейка. Хочешь, сошью? Возьму не дорого -- тыщонки две. Зато все будут видеть, что стоит твоя голова.

-- Ты остроумный мальчик, -- промямлил очкастый. В руке у него дрожала измусоленная сигарета.

-- Нет ли у кого-нибудь кнопки? -- громко спросил Димка. -- Ну, если нет, придется без кнопки. Он плюнул на бумажку и прилепнул ее к голове очкастого.

-- Галка, пойдем отсюда!

Гали за столом не было. Димка стал бродить среди танцующих, разыскивая Галю, Фрам сказал ему, оскалившись:

-- Поволокли твою кадришку! Твою невесту ненаглядную!

Лицо Фрама перекосила какая-то дикость. На эстраде, словно курильщик опиума, покачивался саксофонист.

Перед тем как сесть о такси, Галя вдруг увидела в ночи огромный треугольный силуэт развалин.

-- Я не поеду. Извините, -- торопливо сказала она.

-- Я вам прочту всего Гамлета, -- проговорил Долгов.

Димка выскочил из ресторана и увидел в заднем стекле отъезжающей "Волги" Галину голову. Он бешено рванулся, схватился за бампер. Машина прибавила скорость, и Димка упал. Ободрал себе руки и лицо о щебенку.

Два красных огонька быстро уносились по шоссе вдоль берега моря туда, к

[...]

городскому сиянию.

Если бы был пулемет! Ах, если бы у меня был сейчас пулемет! Я стрелял бы до тех пор, пока машина не загорится! А потом подошел бы поближе и стрелял бы в костер!

ДИМКА ПИЛ ЛИМОНАД. Уже четвертый стакан подряд. Пить не хотелось, глотать было мучительно.

-- Еще стаканчик, -- сказал он.

В окошке появился стакан с пузырящейся желтой влагой.

"Она и сотый стаканчик подаст, не моргнув", -- подумал Димка и посмотрел на буфетчицу. Дурацкая наколка на голове, выщипанные брови. Он вспомнил буфетчицу, с которой беседовал вчера. Та была другой. Нагнулся к окошечку и спросил в упор у этой:

-- У вас, наверное, сын такой, как я, да?

-- У меня дочь, -- отрезала буфетчица.

-- Благодарю. Еще стаканчик.

Голубой киоск стоял в начале совершенно незнакомой Димке и пустынной утренней улицы. То есть он просто не знал, как отсюда выбраться. Улица-то была знакомой. В принципе это была самая обычная улица. Два ряда домов с окнами и дверьми. Дома эти не говорили ни о чем и ничего не вызывали в душе. Это были просто дома с лестницами и комнатами внутри. И киоск не говорил ни о чем. Это была торговая точка, где кто-то пил лимонад, покупал бутерброды и спички. Тошнотворно знакомой была эта пустынная улица, но как отсюда выбраться, Димка не знал. И не у кого спросить. Буфетчица ведь не скажет. Да она, наверное, и сама не знает. Наверное, давно потеряла надежду выбраться отсюда.

Димка украдкой вылил лимонад под ноги, на песок. Образовалась неприятная лужица. Подошел человек с черными усами и в новой серой шляпе. Взял спички и пошел по улице. Он шел очень прямой, и новенькая шляпа, без единой вмятины, стояла на его голове, как на распорке в универмаге.

"Вот так он и ходит тут уже четыреста лет, -- с тоской подумал Димка. -- Так вот и ходит в своей новом шляпе".

"Как я попал сюда? -- попытался он вспомнить. -- В Пирита я вскочил в попутный грузовик. Мы гнались за такси. Мы здорово мчались. Водитель все допытывался, что у меня украли. Что у меня украли! Я рассказал бы ему обо всей своей жизни, но только не о том, что у меня украли. Мы догнали "Волгу", но в ней оказались два моряка. Потом в центре я ломился в гостиницу. Почему-то мне казалось, что Галя там. Это было невыносимо -- думать, что она там. Потом меня отправили в милицию. В милиции рядом со мной сидел какой-то тип, который все икал. От рубашки у него остался один воротник, а он все пытался заправить ее в штаны, В четыре часа утра меня отпустили, а тип остался там.

Воображаю, как он удивится, когда перестанет икать. Потрогает воротник и скажет; а где же все остальное? Потом я все время шел по городу, пока не попал сюда. И тут уж я, видно, и останусь. Куплю себе новую шляпу. Буду тут ходить пяток-другой столетий. Сначала тот, с усами, будет появляться, а потом я".

Где-то за стеной домов что-то загрохотало. Там было что-то массивное и подвижное. Мало ли что там есть.

-- С вас четыре пятьдесят, -- сказала буфетчица.

Вдруг улица заполнилась людьми. Они шли все в одном направлении.

-- Димка! -- воскликнули за спиной. Рядом стоял Густав. Он был в синем комбинезоне и таком же берете. Димка страшно обрадовался.

-- Сигареты есть? -- спросил он.

-- Что с тобой случилось? -- спросил Густав, доставая сигареты.

-- Ничего со мной не случилось.

-- Как ты здесь оказался?

-- Гуляю.

Они пошли в толпе. Все шли очень быстро, поэтому и им приходилось спешить.

"Ух ты, как здорово!" -- подумал Димка и спросил Густава:

-- А ты куда?

[...]

-- На завод.

-- Тут, рядом, ваш завод?

-- Ага.

-- Ну, как вообще-то? -- спросил Густав.

-- Да так.

-- Ничего. -- Густав хлопнул Димку по плечу. -- Не вешай носа. Все будет тип-топ.

-- Как ты говоришь?

-- Тип-топ.

"Сегодня скажу Юрке, что все будет тип-топ. То-то обрадуется".

-- Слушай, Густав, -- осторожно спросил Димка, -- ты случайно не знаешь, где тут трамвай?

-- Направо за угол. Там остановка.

-- Спасибо тебе, Густав. Тип-топ, говоришь?

-- Тип-топ.

-- Пока!

-- Увидимся!

Глава восьмая

ТОТ ДЕНЬ БЫЛ ДУШНЫМ и пасмурным. Под соснами было сухо, а асфальт шоссе лоснился, влажный. Ребята сидели возле палатки и питались абрикосами. Это был обед. Ели молча.

-- А где ты шлялся всю ночь, Димочка? -- вдруг игриво спросила Галя.

Юрка и Алик быстро переглянулись. Но на Димку они не посмотрели. Не было сил на него смотреть, А Галя смотрела на Димку. Он сидел, уткнувшись в кулек с абрикосами, лицо его стало квадратным -- под скулами вздулись желваки. На лбу и шее запеклись ссадины.

-- Ай-я-яй! -- Брижит Бардо погрозила пальцем.

Это было так фальшиво, что Юрка сморщился, а Алик закрыл глаза. Галя потянулась.

-- А я так выспалась сегодня!

Юрка встал и подтянул штаны.

-- Пойду к Янсонсу газеты посмотреть.

-- Я тоже, -- сказал Алик.

Галя и Димка остались одни. Они сидели по-турецки. Их разделяла ямка, полная пепла и углей, остатки костра, на котором Галя несколько раз варила обед. Гале тяжело было смотреть на Димку ("не сиди так, пожалуйста, вскочи, кричи, ударь, но не сиди так"), но она смотрела. Это была ее первая серьезная роль: "Гореть до конца, дотла..."

-- Что с тобой было этой ночью? -- спросил Димка, не поднимая головы.

Словно хлыстом по горлу. Галя вскинула голову, закусил губы и закрыла глаза. Что с ней было этой ночью? Ведь если отбросить все, чего на самом деле не было, и просто, совсем просто вспомнить о том, что с ней было этой ночью, тогда нужно покатиться по земле и завывать. Но ведь было же, было и другое -- стихи, музыка, слова... Она засмеялась. Колокольчики. Похоже на смех Офелии.

-- Что ты вообразил, Димка? Мы катались на такси, в полвторого я была уже дома и заснула. Какое у тебя воображение нехорошее. Противно!

"Неужели это так? -- подумал Димка. -- Врет, конечно". -- Он поднял голову и посмотрел на Галю. -- "Веселая. Врет. Не верю ей, А если поверить?.."

-- Врешь! -- заорал он и вскочил на ноги.

-- Нет! -- отчаянно закричала Галя.

"Врет".

-- Что с тобой случилось? Ты обалдел!

"Нет, не врёт".

-- Ты мне не веришь?

-- Не верю.

-- Как мне тебе доказать?

-- Доказать? Ты собираешься доказывать?

[...]

-- Если ты мне не веришь, я отравлюсь.

-- Великолепно! Вы в новой роли, мадемуазель. В клипсах у вас, конечно, цианистый калий?

-- Вот! -- Галя схватила и показала ему горсточку абрикосовых косточек.

-- Синильная кислота, понял? От ста штук можно умереть. Понял?

-- Дура! -- закричал Дима и отвернулся. "Фу ты, дурища, не врет, конечно". Другое слово он ей готовил, а крикнул ласковое "дура". Да разве можно сказать то слово такой? Подняла свою мордочку и гореть слюнявых косточек показывает. Димка сел спиной к Гале.

"А может быть, все-таки врет? Она ведь актриса. Так сыграет, что и не разберешься. Ну, что ж, -- играть так играть". Он встал и сказал:

-- Собирай вещи.

-- Что-о?

-- Собирай свои шмотки. Через два часа выходим.

-- Куда?

-- Как куда? Уходим из Таллина дальше. В рыболовецкий колхоз и в Ленинград.

-- А-а.

-- Торопись. Через час выходим. Ребята в курсе.

-- Сейчас.

Димка вытащил из палатки свой рюкзак и посмотрел на Галю. Она лежала на спине, положив руки под голову.

-- Дима, -- сказала она, -- подбрось монетку.

-- А ну тебя.

-- Я прошу, подбрось монетку. Димка вынул из кармана пятак и подбросил его.

-- Что? -- спросила Галя.

Монетка лежала орлом. Димка поднял ее, сунул в карман и сказал:

-- Решка.

Галя села. Они посмотрели друг на друга. -- Дима, я не пойду с вами. Я остаюсь здесь.

ВСЮ ЖИЗНЬ он будет помнить то, что произошло дальше. Вею жизнь ему будет противна жизнь при воспоминании об этом. Как он буйствовал, и как умолял ее, и как крикнул ей в лицо то слово, и как потом просил прощения, обещал все забыть, и как он заплакал.

Последний раз он плакал четыре года назад в пионерском лагере, когда его на глазах всего отряда в честном поединке отлупил Игнатъев. Кто мог знать, что Игнатъев целый год занимался в боксерской секции? Дней через десять после этой истории он снова плакал. Но вовсе не из-за Игнатъева. Он лежал в траве и смотрел в голубое небо, куда взлетали стрелы малышей из 4-го отряда. О чем-то он думал, он сам не понимал, о чем. Может быть, все-таки об Игнатъеве, о том, что через год он ему покажет, а может быть, о Зое, вожатой 4-го отряда. Было забавно смотреть, как стрелы летели ввысь, исчезали в солнечном блеске и появлялись вновь, стремительно падая. Малыши для утяжеления вбивали в наконечники гвозди. Шляпкой вперед, конечно. Он на мгновение закрыл глаза, и одна такая стрела попала ему прямо в лоб. Бывает же такое! Малыши испугались и убежали, а он перевернулся на живот, уткнулся носом в землю и заплакал. Не от боли, конечно. Было не больно. Но все-таки страшно обидно -- попали прямо в лоб. Как будто мало места на земле. Потом четыре года он не плакал. И когда его била шпана в Малаховке, молчал. А вот теперь снова.

Плакал из-за потрясающей обиды и из-за того, что рисовало ему его нехорошее воображение. Плакал неудержимо, истерика тащила его вниз, как горная река. Он презирал себя изо всех сил. Разве заплачут ремарковские парни из-за обманутой любви? Пойдут в бар, надерутся как следует и будут рассуждать о подлой природе женщин. Почему же он не может послать ее подальше и уйти, насвистывая рок-н-ролл? Он презирал себя и в то же время чувствовал, что словно освобождается от чего-то.

Когда он оглянулся, Гали вблизи не было. Он увидел, что она у янсонсовского крыльца разговаривает с ребятами. Он увидел, что Юрка замахнулся на нее, а Алик схватил его за руку. Галя избежала на крыльцо и

[...]

скрылась в доме, а ребята вышли со двора и сели на траву возле забора.

ТОЛЬКО МУЖСКАЯ ДРУЖБА и стоит чего-нибудь на этом свете. Ни слова об этой... Как будто ее и не было.

-- Томас мировой рекорд поставил. Прыгнул на 2.22.

-- Жуть!

-- Пошли, ребята, выкупаемся в этом цивилизованном море?

Море в этот день было похоже на парное молоко. Далеко от берега кто-то брел по колено в воде. Купаться в общем-то не хотелось. Хотелось есть. Ох, как хотелось есть!

-- В конце концов, я могу позвонить деду. Он у меня в общем-то прогрессивный, -- неуверенно сказал Алик.

Димка глянул на него волком.

-- Но жрать-то все-таки мы что-то должны в дороге, -- пробормотал Юрка.

Димка и на него посмотрел. Они замолчали. Они вдруг почувствовали себя маленькими и беззащитными перед лицом равнодушной, вялой природы. Ведь что бы с тобой ни случилось, дождишко этот мерзкий будет сыпать и сыпать, и море не шелохнется, и солнце не выглянет, и не увидишь ты горизонта. Помог Фрам. Он вылез из воды и крикнул:

-- Чуваки! Вы-то как раз мне и нужны.

Еще вчера Фрам сам сидел на мели и не знал, что делать. Он проигрался в пух и прах. С очкастым Олегом просто невозможно было играть. Найти музыкальную халтуру не удалось -- в Таллине хороших-то лабухов было пруд пруди. Фрам загнал свой кларнет и так расстроился, что пропил все деньги в первый же вечер. Как раз в то время, когда Димка баловался лимонадом, Фрам сидел в каком-то скверике и мучительно пытался вспомнить имена тех типчиков, что подвалились к нему в ресторане и которых он всех угощал. Даже девчонку и ту он не запомнил. В общем, началась бы самая настоящая "желтая жизнь", если бы в скверике вдруг не появился знакомый парнишка по имени Матти. Фрам с ним слегка контактировал в прошлом году на Московском ипподроме. Матти приезжал в Москву в отпуск на собственном "Москвиче" и интересовался многими вещами. Ведь надо же, как повезло Фраму: в такой случайный момент встретить Матти. Матти раньше был официантом, а теперь работал продавцом в мебельном магазине. Он совершенно небрежно подкинул Фраму целую бумагу и сказал:

-- Можно немножко подработать. Нам нужны грузчики.

[...]

Мы сидим, курим. Странно, мы с ребятами совсем не говорили о будущем, ловили кильку, а вечерами резались в пинг-понг, но сейчас я понимаю, что они оба пришли к какому-то рубежу.

-- А ты, Алька, что собираешься делать? -- спрашиваю.

-- Я, ребята, на следующий год все-таки буду куда-нибудь поступать, -- говорит Алька. -- Надо учиться, я это понял. Недавно, помните, я ночью засмеялся? Ты в меня подушкой тогда бросил. Это я над собой смеялся. "Ах ты, гад, -- думаю, -- знаешь, что такое супрематизм, ташизм, экзистенциализм, а не сможешь отличить Рубенса от Рембрандта". И в литературе также, только современность. Хемингуэй, Белль на зубок, слышал кое-что про Ионеско, а Тургенева читал только "Певцы" в хрестоматии. Для сочинений в школе ведь вовсе не обязательно было читать. Детки, хотите, я вам сознаюсь? -- Алька снял очки и вылупил на нас: страшными глазами. -- "Анну Каренину" я не читал! -- Он снял колпак и наклонил голову. -- Готов принять казнь.

-- Думаешь, стоит ее почитать, "Анну Каренину"? -- спросил Юрка.

-- Стоит, ребята, -- говорю я.

-- Неужели ты читал ее?

-- В детстве, -- говорю я. И правда, в детстве я читал "Анну Каренину". В детстве я вообще читал то, что мне не полагалось.

Ну вот, ребятам уже все ясно. Теперь они сами все решили для себя. И не нужно подбрасывать монетки, это тоже ясно. А я? Прискорбный факт. Прискорбнейший случай затянувшегося развития. Я до сих пор не выработал себе

[...

Глава тринадцатая

жизненной программы. Есть несколько вещей, которыми я бы хотел заняться: бить ломом старые стены, которые никому не нужны, перекрашивать то, что красили скучные люди, идти на спасение, варить обеды ребятам (сейчас все жрут с удовольствием), танцевать, шататься из ресторана в ресторан, любить Галку и никому не давать ее в обиду (никогда больше не дам ее в обиду!), много еще разных вещей я хотел бы делать, но все ведь это не жизненная программа. Стихийность какая-то, самотек... Дмитрий Денисов пустил свою жизнь на самотек. Хорошая повестка дня для комсомольского собрания.

-- Может быть, тебе в мореходку поступить? -- говорит Юрка. -- На штурмана учиться, а?

-- На кой мне черт мореходка? В Атлантику я на следующий год и так выйду. Игорь обещал.

-- Я думаю, если уж быть моряком...

-- Почему ты решил, что я хочу быть моряком?

-- А кем же?

-- Клоуном, -- говорю я. -- Знаешь, как в детстве, сначала хочешь стать моряком, потом летчиком, потом дворником, ну, а потом уже клоуном. Так вот, я на высшей фазе развития.

После тихого часа Галка появляется в окне. Ребята корчат ей разные рожи и приплясывают, а она им улыбается. Стоит бледная и под глазами круги, а все-таки можно ее хоть сейчас поместить на обложку какого-нибудь польского журнала.

Потом мы едем в ближайший городок, в магазин, и возвращаемся к больнице, нагруженные разными кондитерскими пряностями. Эстонцы -- отличные кондитеры. Любят полакомиться.

А Галка за окном уже какая-то другая, уже прежняя. Надувает щеки и показывает мне язык. Сзади подходит санитарка, а она ее не видит. Санитарка тоже смеется и шлепает Галку по одному месту.

Вечером мы сидим все в кофике, 18 рыбаков с сейнеров "СТВ". Все свои ребята, ребята -- золото. И все-таки мы обставим экипаж 93-го.

НОЧЬЮ Я СЛЫШУ ШАГИ за окном. Почему-то мне становится страшно. За окном шумят деревья, свистит ветер, в комнате темно, похрапывает Юрка -- и вдруг шаги. Кто-то взбегает на крыльцо, барабанит в дверь общежития. Бегут по коридору, по том обратно. Останавливаются у нашей двери. Стучат.

-- Денисову срочная телеграмма.

Ошибка, наверное. Конечно, ошибка. Почему вдруг мне срочная телеграмма? Почему вдруг именно мне? Почему ни с того ни с сего стрела, пушенная малышом, попадает прямо в лоб? Что ей мало места на земле?

ЭСТОНСКАЯ ССР

КОЛХОЗ ПРОЖЕКТОР

ДЕНИСОВУ ДМИТРИЮ ЯКОВЛЕВИЧУ

МОСКВЫ (какие-то цифры) В РЕЗУЛЬТАТЕ АВИАЦИОННОЙ КАТАСТРОФЫ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ СЛУЖЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПОГИБ ВАШ БРАТ ВИКТОР ДЕНИСОВ ТЧК ПО ВОЗМОЖНО СТИ НЕМЕДЛЕННО ВЫЕЗЖАЙТЕ МОСКВУ ТЧК ГОЛУБЕВ

Какой еще Голубев? Боже мой, что это за Голубев? При чем тут какой-то Голубев?

Я ИДУ ОДИН ПО МОСКВЕ. Все, в общем, здесь по-старому. Иду по Пироговке, дохожу до Садового. Из-за угла высыпает на полном ходу волчья стая машин. Перекрыли красный сигнал. Не в моих привычках ждать, и я жму через Садовое. А куда? На Кропоткинской беру такси и еду в центр. И тут все, в общем, по-старому, только не видно тех рыл, с которыми я некогда контактировал. Спускаюсь в метро. Пью воду из автомата. Еду на эскалаторе вниз. О, навстречу поднимается парень из нашего класса, Володька Дедык. Книжку

[...]

какую-то читает. Не замечает меня. И я его поздно заметил. Ищи его теперь, свищи. Все-таки я поднимаюсь по эскалатору вверх. Нет там Дедька. Опять беру билет и снова еду вниз.

Прошло два дня после похорон Виктора.

Как это дико звучит! Все равно, что сказать: прошло два дня после пожара Москвы-реки. И тем не менее это так: прошло два дня после похорон моего старшего брата, Виктора.

-- Витька! -- орал тот волосатый грузин (у него на груди была такая шерсть, что в бассейне все шутили: "бюстгальтеры на меху"). -- Витька! -- орал он и, как торпеда, плыл к воротам. А Виктор высовывался по пояс из воды и давал ему пас на выход.

Прошло два дня после похорон.

Шура, жена Виктора, стояла совершенно каменная и с желтыми пятнами на лице. Говорят, что будет маленький Витька. Кажется, в старину женились на вдовах братьев. Я бы тоже женился на Шуре, если бы жил в те времена. В те времена ведь не могло быть Гали. А сейчас я буду считать себя отцом маленького Витьки, даже если Шура снова выйдет замуж.

Прошло два дня.

-- Простите, как доехать до Ботанического сада?

-- До Комсомольской, там пересадка. Я не знаю, при исполнении каких служебных обязанностей погиб Виктор. Об этом не говорили даже на похоронах. Андрей Иванович, огромный профессор, сказал, что Виктор -- герой, что он слава нашей научной молодежи, что когда-нибудь его имя... Дальше он не смог говорить, этот огромный профессор. Кто-то сказал, что через месяц у Виктора должен был кончиться комсомольский возраст, ему должно было исполниться 28 лет. Давайте будем считать, что Виктор погиб уже коммунистом.

Виктор, слышишь ты меня? Я тобой горжусь. Я буду счастлив, когда время придет, и твое имя... Запишут куда-то золотом, наверное, это хотел сказать профессор. Но знаешь, старик, я любил, когда ты меня "подзаводил", любил стрелять у тебя деньги и боксировать с тобой после душа. Помнишь, в Таллине в номере гостиницы? А как мы ехали с тобой в такси? И шлялись из одного кафе в другое, а ты все плел что-то возвышенное? И мы как раз собирались поехать на стадион?..

Прошло два дня после...

Борька, друг Виктора, а потом его недруг, стоял, подняв голову, и кадык у него ходил вверх-вниз. Потом он отошел в сторону, отвернулся и весь задергался-здергался.

Два дня.

Не могу вспомнить о том, что было с папой и мамой. Они сразу стали старенькие. Будут гулять теперь под руку на бульваре, и у какого-нибудь парня вроде меня сожметса при их виде сердце.

Прошло два дня после похорон Виктора.

Я уже два дня бесцельно езжу по городу. Мои старики теперь живут на Юго-Западе. За две недели до этой истории они переехали в новую квартиру. А "Барселону", говорят, уже начали ломать.

Вот мне куда надо -- в "Барселону"! Да-да, именно туда я и еду уже второй день.

Выхожу на нашей станции. Все здесь по-старому. Торчат, как всегда, какие-то знакомые типы. Суета у киосков. Суета сует и всяческая суета, говорила одна старушка на даче. И вот они, руины нашей "Барселоны". Она уже наполовину сломана. За заборчиком на гряде битого кирпича стоит бульдозер. Луна отсвечивает от его лопаты. Плакат на заборчике: "работы ведет СМУ N40".

Я перелезаю через забор и проникаю в уцелевшую половину дома. На этой лестнице Виктор целовался с одной девчонкой, а я их застучал и немного шантажировал. Я лезу вверх по лестнице и иду по коридору третьего этажа к нашей квартире. То тут, то там в распахнутые двери, выбитые стекла и в проломы стен проглядывает ночное небо. Дверь нашей квартиры висит на одной петле. Мне нужно туда, нужно просто постоять там пару минут. Я захожу в столовую, потом в комнату родителей, потом иду к Виктору. Не знаю, сколько минут я стою здесь. Виктор провел здесь 28 лет и погиб "при исполнении служебных обязанностей". 28 лет спал, читал, делал зарядку, выпивал с друзьями в этой комнате.

[...

Иногда ходит-ходит.

МАМА: Витя, что ты все ходишь?

А он ни гу-гу. Иногда он ложился на подоконник, вот так, и смотрел в небо. Долго-долго. Где же он тут видел небо? Кругом стены. А, вот оно.

Я лежу на спине и смотрю на маленький кусочек неба, на который все время смотрел Виктор. И вдруг я замечаю, что эта продолговатая полоска неба похожа по своим пропорциям на железнодорожный билет, пробитый звездами.

Интересно. Интересно, Виктор замечал это или нет?

Я смотрю туда, смотрю, и голова начинает кружиться, и все-все, все, что было в жизни и что еще будет, -- все начинает кружиться, и я уже не понимаю, я это лежу на подоконнике или не я. И кружатся, кружатся надо мной настоящие звезды, исполненные высочайшего смысла.

Так или иначе

ЭТО ТЕПЕРЬ МОЙ ЗВЕЗДНЫЙ БИЛЕТ!

Знал Виктор про него или нет, но он оставил его мне. Билет, но куда?